

АНТИКУЛЬТИЗМ СЛОМАННЫЕ СУДЬБЫ

СТИВЕН МОРРИС

АНТИКУЛЬТИЗМ:

Сломанные судьбы

Стивен Моррис

Оглавление

Пролог: Эксперт в студии

Глава 1. Рождение идеолога

Глава 2. Технологии Уничтожения

Глава 3. Галерея разбитых судеб

Глава 4. Трещины в Монолите: Скандалы, Суды и Критика

Глава 5. Крах Демократии

Список использованных источников

Пролог: Эксперт в студии

Телевизионная студия залита холодным, безжалостным светом софитов. Воздух гудит от напряжения работающей техники и невысказанных эмоций. В центре, в глубоком кресле, сидит человек, чье лицо знакомо миллионам. Александр Леонидович Дворкин, «главный сектовед России», готовится к эфиру. Его поза выражает спокойную уверенность. Короткая, аккуратная борода, очки в классической оправе, костюм — все в его облике говорит о солидности и академическом статусе. Он не смотрит в камеру. Его взгляд устремлен куда-то в сторону, словно он сверяется с невидимым сценарием, который известен только ему.

Ведущий, с заискивающей улыбкой, задает вопрос о новой «угрозе», очередной группе, чьи участники якобы «зомбируют» адептов, отнимают квартиры и разрушают семьи. Дворкин медленно поворачивает голову. Пауза. Он мастер пауз. В этой тишине повисает тревожное ожидание. Затем он начинает говорить.

Его оружие — слово, ядовитое, как жало скорпиона. Он произносит термины, некоторые из которых он сам же и ввел в обиход: *«тоталитарная секта»*, *«деструктивный культ»*, *«контроль сознания»*, *«психологическое насилие»*. Эти слова звучат веско, неопровержимо. Для неподготовленного зрителя они создают иллюзию экспертной оценки, строгой и беспристрастной.

«Мы имеем дело с хорошо организованной структурой, — чеканит Дворкин, — которая использует самые современные методы манипуляции. Их цель — не духовный поиск. Их цель — власть и деньги. Они охотятся за нашими детьми, за будущим нашей страны. Это духовная болезнь, разъедающая душу нации.

Он приводит «примеры»: вырванные из контекста цитаты, анонимные свидетельства «пострадавших», зловещие намеки на тайные ритуалы. Каждое слово — это мазок на портрете врага. Враг коварен, безжалостен и вездесущ. Он прячется за масками образовательных центров, оздоровительных курсов, групп личностного роста. И только он, Александр Дворкин, способен сорвать эти маски, обнажить истинное лицо зла.

Для миллионов телезрителей, растерянных и напуганных переменами в стране, его слова звучат как откровение. Он предлагает простой и понятный мир, разделенный на черное и белое. С одной стороны — традиционные ценности, спасительное лоно Православной Церкви. С другой — хищные, чуждые «секты», за которыми стоят то ли ЦРУ, то ли сам дьявол. В этом мире есть четкий враг, а значит, есть и смысл борьбы. Дворкин дает им этот

смысл. Он — пастырь, оберегающий стадо от волков. Он — врач, ставящий диагноз больному обществу. Он — инквизитор, выжигающий ересь каленым железом.

Но кто этот человек на самом деле? Откуда он пришел? Какая дорога привела его в это студийное кресло, на авансцену борьбы за «духовную безопасность» России? Эта книга — попытка разобраться в феномене Александра Дворкина, проследив его путь от московского хиппи до Великого Инквизитора и проанализировать механизм ненависти, который оказал разрушительное влияние на тысячи судеб и отравил общественное сознание ядом нетерпимости.

Глава 1.

Рождение идеолога

В истории всегда есть место для парадокса. Юный бунтарь, презирающий удушающий коллективизм и серую униформу советской системы, спустя годы становится стражем новой ортодоксии, облачаясь в доспехи борца за чистоту веры. Романтик, искавший свободу в джинсах и длинных волосах, превращается в прагматика, чей главный инструмент — составление «черных списков» и разжигание ненависти к инакомыслящим. Это история Александра Дворкина — человека, прошедшего путь от московского хиппи до главного «сектоведа» России, от диссидента до инквизитора.

Существуют две версии его биографии, два портрета, написанных разными красками. Первый — официальный, гляцевый. Это житие современного подвижника: духовный поиск, бегство из «безбожного совка», обретение истинной веры в свободном мире и, наконец, жертвенное возвращение на родину, чтобы спасти заблудшие души из лап «тоталитарных сектантов». На этом портрете Дворкин — герой, променявший американское благополучие на «полунищенское существование» в России 90-х, ведомый лишь церковным послушанием.

Но под слоем этого лака проступает другой образ — теневой, пугающий. На нем — человек с предполагаемыми психиатрическими диагнозами, подметивший в фигуре Ивана Грозного родственную душу. Это портрет не простого эмигранта, а функционера, прошедшего стажировку в самых мрачных уголках американского «антикультового» подполья — там,

где «спасение душ» означало похищения, насилие и слом личности. Это история человека, чьи методы уходят корнями в идеологические лаборатории Третьего рейха.

Как эти два портрета соединились в одном человеке? Какая сила превратила нонконформиста в идеолога ненависти? Чтобы понять, как была построена его империя, нужно вернуться к истокам — в те дни, когда молодой Саша Дворкин мечтал лишь об одном: вырваться из системы. Он и не подозревал, что однажды создаст свою собственную — куда более жестокую и беспощадную.

Бунтарь без идеалов. Советский хиппи

Москва, начало 1970-х. Эпоха, которую позже назовут «застоем». Брежневская стабильность, обернувшаяся душным безвременьем. В этой атмосфере серой предсказуемости рождается протест — не политический, а скорее эстетический и экзистенциальный. На улицах Москвы появляются «хиппи», и в эту пеструю, богемную толпу вливается и Александр Дворкин.

Он родился в 1955 году в типичной московской интеллигентной семье. После школы поступил в престижный Московский педагогический институт, но юношу тянуло не в тишину библиотек, а в шумные тусовки хиппи. Судя по дальнейшей траектории его жизни, его хиппи-диссидентство не было глубоко идеологическим. Это был не протест *за* что-то, а протест *против* серости, обязательности, скуки.

Система не прощала даже таких, аполитичных, форм инакомыслия. В 1975 году Дворкина отчисляют из института. Официальная формулировка звучит: «За убеждения, несовместимые с теми, которые должны быть у будущего советского педагога». Система вытолкнула его. Он стал изгоем.

После отчисления он работает санитаром в реанимации, а затем делает решающий шаг. Если эта страна не принимает его, он покинет ее. 6 марта 1977 года Александр Дворкин покидает СССР и улетает в Соединенные Штаты Америки, страну, которая казалась ему родиной той самой свободы, которую он так искал. Он был уверен, что летит навстречу мечте. Он еще не знал, что летит навстречу себе — другому, новому, неузнаваемому.

Американская мечта и православный поворот

Нью-Йорк встретил его как и тысячи других эмигрантов — шумом, безразличием и безграничными возможностями. Первые годы были временем выживания: работа курьером, официантом. Официальная биография Дворкина рисует этот период как время напряженных духовных поисков. И действительно, 19 января 1980 года он принял православное крещение. Вскоре после этого он поступил в престижную Свято-Владимирскую духовную семинарию. В 1984 году он стал гражданином США.

Казалось, путь определен: обретение веры, получение блестящего богословского образования. Дворкин нашел новую систему координат взамен отвергнутой советской.

Ключевой и, возможно, самой показательной деталью его американского периода стала тема докторской диссертации, которую он защитил в 1988 году в Фордхемском университете под руководством выдающегося богослова протопресвитера Иоанна Мейендорфа. Тема звучала так: «Иван Грозный как религиозный тип».

Случаен ли этот выбор? Из сотен тем по русской истории и византистике Дворкин выбирает именно эту. Его интересует психология самодержца, который искренне считал себя орудием Божественного промысла, а опричнину и массовые казни — богоугодным делом, формой очищения Святой Руси от скверны. Иван Грозный для Дворкина — это не просто исторический персонаж. Это архетип правителя, наделенного сакральной миссией, для которого цель (установление Царства Божия на земле, как он его понимал) оправдывает любые, самые жестокие средства.

Изучая Грозного, Дворкин, возможно, сам того не осознавая, формулировал собственное кредо. Он словно примерял на себя образ человека, обладающего высшим знанием, которому дано право судить и карать «врагов веры». Эта диссертация стала символическим прологом к его будущей деятельности. Он нашел своего героя, свой идеал «охотника на ведьм», облеченного священной властью.

На фоне этого блестящего академического пути критики и оппоненты Дворкина указывают на его «теневую биографию». В многочисленных публикациях и судебных документах всплывают ссылки на предполагаемые психиатрические диагнозы, поставленные ему еще в СССР: «циклотимия» (форма биполярного расстройства), «патологическое развитие личности», «психофизический инфантилизм». Оппоненты утверждают, что эти диагнозы объясняют многое: и его одержимость, и склонность к «реформированию» без серьезной научной базы, и потребность в поиске врагов, и черно-белое видение мира.

Мы не можем утверждать или опровергать подлинность этих медицинских заключений. Однако сам факт их существования в публичном поле добавляет еще один штрих к его сложному психологическому портрету. Возможно, борьба с «сектами» стала для Дворкина не просто церковным послушанием, а способом упорядочить свой внутренний хаос, спроецировав его на внешний мир и разделив его на «своих» и «чужих», на «праведников» и «еретиков».

Его карьера на радио «Радио Свобода» стала важнейшим этапом формирования. Это была не просто работа журналиста. Это была школа информационно-психологической войны. Вещая на Советский Союз, Дворкин учился искусству пропаганды: созданию нужных нарративов, формированию общественного мнения, разделению мира на «друзей» и «врагов». Он оттачивал навык говорить просто и убедительно, апеллируя не к разуму, а к эмоциям и глубинным страхам аудитории. Этот навык станет его главным оружием в будущем.

Американская Школа ненависти: Cult Awareness Network

Решающим поворотом в жизни Александра Дворкина стало сближение с американским антикультовым движением.

Это было мрачное и жестокое время. По Америке прокатилась волна паники, связанной с «новыми религиозными движениями». Общество, напуганное трагедией в Джонстауне, видело «промывку мозгов» и «зомбирование» в любой нетрадиционной группе. На этой волне страха возник уродливый феномен — «депрограммирование». Самопровозглашенные «депрограммисты» за огромные гонорары от обеспокоенных родственников предлагали услугу по «спасению» их близких из «культов».

На практике это «спасение» выглядело как средневековая пытка. «Пациента» похищали, насильно удерживали в изоляции, лишали сна и пищи, подвергали многодневным допросам, психологическому давлению, унижениям, а порой и физическому насилию. Газеты того времени пестрели заголовками об избиениях, изнасилованиях и даже убийствах, совершенных «депрограммистами». Флагманом этого движения была организация с благозвучным названием Cult Awareness Network (CAN) — «Сеть осведомленности о культах». Именно с ней, по многочисленным свидетельствам, в этот период сотрудничал Александр Дворкин.

Эта часть его биографии — самая тщательно охраняемая тайна. В 1996 году, уже после возвращения в Россию, Дворкин выступил в популярной телепередаче «Времечко». По утверждениям очевидцев, сохранившимся в архивах интернет-форумов, в прямом эфире он подтвердил два факта: что является гражданином США и что сотрудничал с CAN. Сегодня найти видеозапись этого эфира невозможно — она удалена. Текстовые расшифровки и упоминания тщательно «зачищаются».

Один из самых ярых соратников Дворкина, его пресс-секретарь Евгений Мухтаров, приложил огромные усилия, чтобы убрать любые упоминания о связи своего начальника с CAN из русской «Википедии». Его многолетние «войны правок», угрозы и оскорбления в адрес других редакторов задокументированы в истории блокировок его аккаунта. Столь яростное желание скрыть этот факт говорит о многом. Если сотрудничество с CAN было лишь невинным консультированием, зачем прикладывать столько сил, чтобы похоронить память о нем?

Ответ прост: Дворкин не просто «сотрудничал». В США он прошел школу, где его научили практическим методам борьбы. Именно в этой среде — среде моральной паники, коммерциализированной «борьбы» и оправдания насилия во имя «блага» — Дворкин впитывал идеологию и методы. Он видел, как эффективно работает язык ненависти. Как легко, назвав человека «зомби», лишить его субъектности и оправдать по отношению к нему любые действия. Как работает технология создания «образа врага» через СМИ, как используются истории «бывших адептов» для создания шокирующего контента. Он учился не религиоведению, а *сектоборчеству* — ремеслу социальной травли.

Неудивительно, что его поспешный отъезд из США и возвращение в Россию в 1992 году странным образом совпали с началом волны судебных преследований против «депрограммистов» и заката CAN. Он возвращался с уже сформированной системой взглядов — основой, на которой впоследствии выросла идеология нетерпимости.

Наследие нацизма: Идеологические корни

Казалось бы, антикультизм — явление сугубо американское, порожденное спецификой американского общества. Однако корни идеологии, которую Дворкин привез в Россию, уходят гораздо глубже и в гораздо более темные пласты европейской истории. Чтобы понять генезис его «машин», необходимо проследить зловещую цепь идеологической преемственности.

Сам Дворкин неоднократно с обожанием упоминал о своем учителе, датском лютеранском теологе Йоханнесе Огорде (Johannes Aagaard), в «Диалог-центре» которого он проходил обучение. Огорд был одной из центральных фигур европейского антикультизма. Но кто был учителем самого Огорда?

В создании своего центра Огорду содействовал баварский пастор Вильгельм Хаак (Wilhelm Haack). Хаак же, в свою очередь, был прямым последователем и идейным наследником Вальтера Кюннета (Walter Künneth) — одной из самых мрачных фигур в немецкой теологии XX века.

Имя Вальтера Кюннета сегодня прочно ассоциируется с нацизмом. Ещё в 1921 году был создан в Берлине Апологетический центр — организация, чьей заявленной целью была борьба с «сектами» и защита чистоты протестантской веры. В 1932 году Кюннет стал её лидером. Но методы, которые использовал центр, были пугающе знакомы:

- **Сбор компромата и создание «черных списков»:** Центр методично собирал информацию о любых религиозных и философских движениях, не вписывающихся в консервативный протестантский стандарт.
- **Использование языка вражды в СМИ:** Через публикации и лекции создавался образ «врага», угрожающего немецкой нации и духовности.
- **Давление на государственные структуры:** Центр лоббировал принятие репрессивных мер против «неугодных».

С приходом к власти нацистов наработки Апологетического центра оказались чрезвычайно востребованы. Методология Кюннета по выявлению и клеймению «врагов» стала идеальным инструментом для гестапо и министерства пропаганды. Его антисемитские труды превратились в теологическое обоснование геноцида.

Эта линия преемственности — **Кюннет → Хаак → Огорд → Дворкин** — не случайна. Она демонстрирует, что в Россию был импортирован не просто американский антикультизм, а его европейская, исторически скомпрометированная версия, отточенная нацистами. Инструменты дегуманизации, составления досье, медийной травли и лоббирования репрессий, разработанные в Германии 1920-30-х годов, были бережно сохранены и переданы новому поколению «борцов за чистоту веры».

Пророк в своем отечестве: Бегство на Родину?

31 декабря 1991 года Александр Дворкин вернулся в Москву. Официальная версия гласит, что это был духовный порыв. Вдохновленный падением коммунизма и ведомый благословением своего духовного отца Иоанна Мейендорфа, он вернулся, чтобы служить своей возрождающейся Родине.

Однако существует и другая, более прагматичная версия, объясняющая это внезапное возвращение. К началу 1990-х годов в США над «депрограммистами» и их главной организацией, Cult Awareness Network (CAN), начали сгущаться тучи. Общество ужаснулось последствиям их деятельности. Начались громкие судебные процессы. В 1995 году CAN была признана судом виновной по делу о похищении и насильственном «депрограммировании» и приговорена к многомиллионному штрафу, что привело ее к банкротству. Америка становилась слишком опасным местом для тех, кто был замешан в этой грязной войне.

Не было ли возвращение Дворкина в Россию стратегическим отступлением, бегством от возможных юридических последствий?

Россия 90-х представляла собой идеальное поле для деятельности такого специалиста. Страна, пережившая крах одной идеологии, находилась в духовном вакууме. Миллионы людей, лишённые привычных ориентиров, устремились на поиски новых смыслов. На этом фоне расцвели самые разные религиозные и эзотерические движения — от протестантских проповедников до восточных гуру. Общество и государство были совершенно не готовы к этому взрыву религиозного плюрализма.

В эту мутную воду и шагнул Александр Дворкин. У него был американский диплом, американский паспорт, американский опыт и — самое главное — он привез готовую концепцию и язык для ее описания. Он объяснил, что все новые движения — это «тоталитарные секты», и предложил эффективную стратегию: не вступать в богословские диспуты, а перевести разговор в плоскость общественной безопасности. Говорить не о догматах, а об «угрозе».

Он прибыл как «эксперт», как человек, «знающий врага в лицо». И его с радостью приняли. Никто не стал задавать неудобных вопросов о его прошлом, о его связях с CAN, о его истинных учителях.

Спустя всего несколько месяцев, летом 1992 года, Дворкин начал свою «антикультовую» деятельность в Отделе религиозного образования и катехизации Московской Патриархии.

По его словам, это было «церковное послушание», «ассенизаторская работа», которую «кто-то должен делать».

На самом деле это было начало строительства империи. Фундамент был заложен в Америке, чертежи унаследованы от идеологов прошлого века. Оставалось лишь запустить машину.

Юный хиппи, не нашедший своего места ни в советской системе, ни в американской свободе, наконец обрел себя. В новой России родился «охотник». Инквизитор, готовый выжигать «ересь» каленым железом. Он стал идеологом ненависти. И его работа только начиналась.

Глава 2.

Технологии Уничтожения

В арсенале человечества нет оружия более мощного и коварного, чем слово. Александр Дворкин привез в Россию технологию превращения слова в оружие массового поражения. Он понял: чтобы победить в войне за умы, не нужно доказывать свою правоту. Нужно лишь убедить всех в абсолютной неправоте и зловещей природе противника. Давайте рассмотрим механизм, созданный им для выявления, демонизации и, в конечном счете, уничтожения любого, кто осмелился верить «не так».

Кодекс Инквизитора: Изобретение «Сектоведения»

Первым залпом в войне Дворкина стала его брошюра «Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным». Это было простое, агрессивное и эффективное оружие. В нем Дворкин, используя приемы, отточенные американскими антикультистами, учил обывателей видеть в любом миссионере нетрадиционной веры опасного вербовщика.

В 1994 году в свет выходит книга «Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования». Профессиональные религиоведы с ужасом смотрели на его труды, указывая на вопиющую некомпетентность, подтасовку фактов и идеологическую ангажированность.

Доктор юридических наук М.Н. Кузнецов утверждал, что Автор «Сектоведения», Дворкин, методически неграмотен, книга написана на уровне газетных публикаций и совершенно бесполезна как с точки зрения научного религиоведения, так и с точки зрения потребностей православной миссии.

Доктор филологических наук А.А. Панченко вынес суровый вердикт, что Дворкин подлежит судебному преследованию за разжигание религиозной розни.

Но критики не поняли главного: целью Дворкина было не научное исследование, а создание оружия.

Сила его книги заключалась в нескольких ключевых нововведениях:

- **Введение токсичной лексики.** Дворкин ввел в оборот термины, которые звучали научно, но, по сути, были ядовитыми ярлыками:

«Тоталитарная секта». Термин «тоталитарная секта» был прост, понятен и предельно токсичен. Он мгновенно вызывал ассоциации с тоталитарным прошлым самой России, с ГУЛАГом, с подавлением личности. Он не требовал доказательств или научного анализа. Достаточно было просто наклеить этот ярлык на любую религиозную группу, и она автоматически становилась врагом, угрозой обществу, семье, государству.

«Контроль сознания», «зомбирование». Эти псевдонаучные термины превращали свободный выбор веры в злонамеренный акт, лишаящий человека воли, а верующего — в «зомби», которого нужно «спасать» даже против его воли.

- **Перенос дискурса из теологии в криминалистику.** Вместо сложных богословских споров Дворкин предложил говорить об угрозах: психическому здоровью, семьям, государству. Это позволило ему апеллировать не к теологам, а к широкой публике и, главное, к силовым структурам.

Дворкин заменил риторику «контроля сознания» на язык государственной безопасности. «Сектанты» в его изложении были уже не просто заблудшими душами, а вражескими агентами, шпионами, диверсантами, ведущими «духовную агрессию» против России.

«Сектоведение» стало идеологической матрицей, по которой его последователи начали кроить реальность. Кодекс инквизитора был написан. Оставалось собрать армию.

Строительство Империи. Двигатель: РАЦИРС и FECRIS — Секта по борьбе с сектами

Любой машине нужен двигатель. Для империи Дворкина таким двигателем стала разветвленная сеть организаций для легитимизации и масштабирования своей деятельности.

Русский Легион: Создание РАЦИРС

Сначала в 1993 году появился его флагманский проект — «Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириней Лионского», созданный под крылом Русской Православной Церкви. Очень скоро эта структура разрослась до общенациональной сети — в феврале 2006 года была создана Российская ассоциация центров изучения религий и сект (РАЦИРС). Президентом, разумеется, был избран Александр Дворкин. На бумаге все выглядело респектабельно: ассоциация ученых и экспертов, призванная «оказывать информационную и консультационную помощь» органам власти, СМИ и обществу.

Но за академическим фасадом скрывалась суть, которую критики позже назовут «мафиозной структурой». РАЦИРС была не научной ассоциацией, а разветвленной сетью, своего рода идеологической спецслужбой.

Структура и методы: Головным центром и ядром РАЦИРС стал «Информационно-консультационный центр имени священномученика Ириней Лионского», личная вотчина Дворкина в Москве. Оттуда нити тянулись к десяткам региональных «филиалов». Эти филиалы действовали по единому шаблону:

- **Мониторинг и доноительство:** Местные «дворкинцы» вели слежку за деятельностью любых «неправильных» религиозных групп в своем регионе. Они посещали их собрания, собирали литературу, опрашивали бывших адептов и их обиженных родственников. Любой слух, любая жалоба, любая вырванная из контекста цитата — все шло в дело. Создавались досье, картотеки «компромата».
- **«Консультации» для власти:** Собранная информация ложилась в основу «аналитических записок» и «консультаций», которые направлялись в местные администрации, отделы образования, правоохранительные органы. Неподготовленный чиновник или полицейский, получая такой документ от «экспертов», видел в нем объективный анализ, а не идеологический донос. Так формировался образ врага на официальном уровне.

- **Медийные атаки:** Региональные адепты Дворкина становились главными спикерами для местной прессы по «сектантской» теме. Они давали интервью, писали статьи, выступали на телевидении, тиражируя одни и те же штампы про «промывку мозгов», «зомбирование» и «разрушение семей». Создавалась атмосфера моральной паники.
- **Провоцирование конфликтов:** Деятельность РАЦИРС целенаправленно сеяла рознь. Она настраивала родственников друг против друга, поощряя их писать заявления в полицию на своих же близких. Она превращала любой бытовой конфликт с участием верующего в «свидетельство деструктивной деятельности секты».

РАЦИРС стала источником коллективной нетерпимости. Это была армия, действующая по принципу «кто не с нами, тот сектант». Дворкин построил структуру, которая могла дотянуться до любого человека в любом уголке страны, заклеить его и запустить механизм травли. Но для полномасштабной войны требовалось нечто большее, чем просто российская сеть. Требовалась международная легитимность.

Европейский фасад: Прикрытие FECRIS

Амбиции Дворкина простирались далеко за пределы России. Он стремился к международному признанию, и он его получил, заняв пост вице-президента FECRIS (Европейская федерация центров исследования и информирования о сектантстве). Эта организация была основана в 1994 году в Париже и объединила «антикультистские» ассоциации из десятков стран. Ее заявленная миссия — защита людей от «деструктивных культовых отклонений». Российским представителем в ней, естественно, стал центр Дворкина, а сам он с 2009 по 2021 год занимал пост вице-президента этой организации.

Для непосвященного наблюдателя FECRIS выглядела как авторитетная правозащитная структура, европейский аналог Amnesty International, только в сфере религии. Но при ближайшем рассмотрении этот образ рассыпался в прах.

- **Государственное финансирование:** Расследования показали, что около 90% бюджета FECRIS поступало напрямую от правительства Франции. Это была не независимая общественная организация, а структура, существующая на деньги французских налогоплательщиков и, следовательно, проводящая определенную государственную политику.

- **Французская модель:** Именно во Франции была создана одна из самых жестких в Европе моделей борьбы с инакомыслием. Там были приняты законы, позволяющие распускать религиозные группы по расплывчатому обвинению в «манипулировании сознанием» (*manipulation mentale*). Именно эту модель Дворкин и мечтал импортировать в Россию, открыто заявляя в своих выступлениях:

«Нужно ввести статьи о "психологическом насилии" и "манипулировании сознанием", как во Франции».

- **Рассадник ксенофобии:** Под прикрытием защиты «жертв сект» FECRIS и ее члены по всей Европе продвигали нетерпимость и ксенофобию. Например, Урсула Каберт, видная фигура немецкого антикультизма, ввела в Гамбурге так называемый «фильтр сект», из-за которого людей, заподозренных в связях с сайентологами, лишали работы и отказывали им в кредитах.

FECRIS стала для Дворкина идеальным прикрытием. Членство и высокий пост в ней позволяли ему представлять свою деятельность не как узкоконфессиональную православную миссию, а как часть общеевропейской борьбы за права человека. Он выступал на международных конференциях, ссылаясь на «европейский опыт», придавая своей локальной вендетте глобальный масштаб.

Легион Тьмы: Портреты соратников и их методы

Система ненависти не могла существовать без сторонников — ей были нужны исполнители. Если Дворкин был идеологом, то кто были те, кто с энтузиазмом подхватил знамя «праведной борьбы»? Официальная пропаганда рисовала их как самоотверженных подвижников, но за этим благостным образом скрывалась галерея убийц, педофилов, мошенников и личностей с тяжелыми психическими расстройствами. Дворкин, с его риторикой тотальной войны, стал для них магнитом. Он дал им знамя, врага и чувство абсолютной правоты.

Международный синдикат «спасителей»

Для легитимации своей деятельности Дворкину был необходим международный статус, который он получил через FECRIS. Но кто были эти зарубежные «коллеги»?

- **Антон Хайн (США/Нидерланды):** Основатель сайта «Apologetics Index», который Дворкин долгое время рекомендовал как авторитетный источник. В США Хайн был осужден за систематическое сексуальное насилие над собственной 13-летней племянницей и сбежал из страны, чтобы избежать тюрьмы. Сейчас он скрывается в Амстердаме, а в США на его имя выдан ордер на арест.
- **Якуб Яхл (Чехия):** Чешский так называемый «эксперт по сектам», прикрывавшийся благотворительностью и помощью детям-сиротам в Танзании. Журналистское расследование 2025 года вскрыло чудовищную реальность: Яхл присваивал все пожертвования, покупая на них наркотики и роскошную жизнь, а также, по свидетельствам жертв и очевидцев, совершал насилие над детьми из приюта и местными жителями.
- **Рик Алан Росс (США):** Один из пионеров «насильственного депрограммирования», имеющий официальный психиатрический диагноз — расстройство личности с социопатическими наклонностями. Росс был консультантом ФБР во время трагедии в Уэйко (1993), где в результате штурма и пожара на ранчо религиозной общины погибло 76 членов общины, включая 23 ребенка.

Российские кадры: насилие как призвание

Модель, успешно работавшая на Западе, была воспроизведена и в России. «Антикультовые центры» РАЦИРС стали точками притяжения для личностей весьма специфического склада.

- **Валерий Приходько (Ростов-на-Дону):** В прошлом осужденный за избиение человека до смерти, Приходько после освобождения создал центр «депрограммирования» и стал ведущим «экспертом по экстремизму» на юге России. Идеология Дворкина дала ему шанс снова заниматься насилием, но теперь уже под «благородным» предлогом. Система не просто приняла убийцу в свои ряды — она дала ему мандат и идеологическое оправдание для продолжения насилия.
- **Евгений Мухтаров (Ярославль):** Пресс-секретарь и правая рука Дворкина, отвечавший за информационную войну. Его методы ярко проявились в борьбе с администраторами «Википедии», где он фанатично «зачищал» статью о Дворкине от неудобных фактов, не стесняясь угроз и оскорблений в адрес оппонентов (например, о сотрудничестве с криминальной американской организацией CAN).

Это не случайные люди. Это система. Как указывают антикультовые исследователи: *«Если же глава секты имеет криминальные или извращенческие наклонности, страдает психическими расстройствами, то срабатывает механизм психологической индукции, своеобразного заражения сектантов пороками и психическими патологиями основателя»*. Он как будто описывал собственную организацию.

Самым поразительным является то, что организация Дворкина сама идеально подпадает под его же собственное определение «тоталитарной секты». Давайте применим его же критерии к его детищу.

1. Наличие харизматичного лидера, которому приписывается божественная мудрость. Александр Дворкин — бессменный и непререкаемый авторитет в своей среде. Его слово — закон, его книги — священное писание «сектоведов». Любая попытка оспорить его мнение воспринимается адептами как ересь и работа на «врага».

2. Наличие «внутреннего круга» адептов, подражающих лидеру. Вокруг Дворкина сформировался круг преданных последователей, готовых на все ради защиты гуру и его идеологии. Их стиль поведения — агрессия, оскорбления и фанатичная преданность — является точной копией стиля самого Дворкина.

3. Соккрытие истинных целей. На словах антикультовые организации занимаются «исследованиями», «информированием» и «защитой общества». На деле их главная цель — лоббирование репрессивных законов, уничтожение конкурентов (в данном случае — любых альтернативных мировоззрений) и легитимизация насилия под видом «экспертной» деятельности.

4. Нетерпимость к критике. Любой ученый, правозащитник или журналист, осмелившийся усомниться в методах Дворкина, немедленно клеймится как «сектозащитник», «агент саентологов» или просто «купленный врагами». Диалог невозможен в принципе. Есть только одна правда — правда Дворкина.

Таким образом, под вывеской борьбы с «тоталитарными сектами» Дворкин создал собственную, возможно, самую влиятельную и опасную секту в современной России — секту, вооруженную административным ресурсом.

Оружие массового поражения: Технологии Демонизации

Обладая идеологией и структурой, машина Дворкина начала планомерную войну, используя отточенный набор технологий.

1. Медийный террор. Дворкин стал одним из самых востребованных «экспертов» на российском телевидении, где он произносил набор заученных мантр: «тоталитарная секта», «контроль сознания», «разрушение семей». Его сайт iriney.ru превратился в доску позора, наполненную анонимными письмами «пострадавших» и откровенными фейками с целью создать образ врага.

2. Правовой таран. Дворкин активно лоббировал ужесточение законодательства.

Он не просто использовал существующие законы, он активно влиял на их создание и применение, превращая российское законодательство в минное поле для инакомыслящих.

После принятия в 1997 году нового закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», разделившего все организации на «традиционные» и «нетрадиционные», Дворкин получил мощный инструмент для дискриминации. Но настоящим подарком для него стал закон 2002 года «О противодействии экстремистской деятельности».

Этот закон, с его крайне расплывчатыми формулировками, позволял объявить «экстремизмом» практически все, что угодно: утверждение о превосходстве своей религии, критику чиновника, распространение «заведомо ложных сведений». Именно «сектоведение» Дворкина стало неофициальным комментарием к этому закону, инструкцией по его применению против религиозных меньшинств.

Он открыто восхищался французским законодательством и мечтал внедрить его в России. Неоднократно заявлял в своих выступлениях, что нужно ввести статьи о «психологическом насилии» и «манипулировании сознанием» как во Франции.

На первый взгляд, это звучит как забота о людях. На деле — это предложение узаконить абсолютный произвол. Понятия «психологическое насилие» и «манипуляция сознанием» невозможно определить юридически. Любое убеждение, любая проповедь, любая образовательная деятельность могут быть названы «манипуляцией». Принятие таких законов означало бы конец свободы совести и свободы слова. Это превратило бы государство в «полицию мыслей», а доносчика-«эксперта» — в верховного судью.

Апофеозом этого процесса стало назначение Дворкина в 2009 году главой Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. Этот шаг, вызвавший «шок среди специалистов», как писали религиоведы, стал точкой невозврата. Человек без профильного светского религиоведческого

образования, чья методология критиковалась научным сообществом как псевдонаучная, получил в свои руки мощнейший государственный рычаг. Его личная идеология стала официальным инструментом государства.

Теперь «мнение» Дворкина больше не было просто мнением. Оно стало «экспертным заключением», на основании которого Минюст мог отказать в регистрации, инициировать проверку или ликвидацию любой религиозной организации. Члены РАЦИРС и лично Дворкин получили монополию на истину в последней инстанции.

Эта новая власть позволила ему и его сети напрямую влиять на законодательство и правоприменительную практику.

- **Закон «Об экстремистской деятельности» (2002 г.):** Этот закон стал главным инструментом для расправы с неудобными. Но он был лишь пустой формой, которую нужно было наполнить содержанием. Именно «эксперты» вроде Дворкина и решали, чьи тексты и проповеди являются «экстремистскими». Их лингвистические и религиоведческие экспертизы, часто основанные на подтасовках и предвзятых толкованиях, ложились в основу обвинительных приговоров.
- **«Закон Яровой» (2016 г.):** Этот пакет антитеррористических поправок резко ужесточил законодательство о «миссионерской деятельности». Теперь любая проповедь вне культовых зданий или без специальных разрешений стала незаконной. Это был прямой удар по всем нетрадиционным для России конфессиям. Дворкин и его сторонники были главными лоббистами и идеологическими обоснователями этих мер.
- **Признание организаций экстремистскими:** Именно с подачи Экспертного совета при Минюсте и на основании экспертиз, подготовленных аффилированными с РАЦИРС структурами, в России были запрещены десятки организаций. Самый громкий пример — «Свидетели Иеговы», мирная пацифистская организация, которую машина Дворкина превратила в глазах государства в опасных экстремистов.

Конвейер уничтожения: От ярлыка до тюрьмы

Как именно действовала эта система на практике? Процесс уничтожения любой неудобной группы был доведён до автоматизма и проходил по нескольким чётко продуманным этапам.

Этап 1: Маркировка. Все начиналось с ярлыка. Дворкин или его центр объявляли ту или иную организацию «тоталитарной сектой» или «деструктивным культом». Повод мог быть любым: жалоба обиженного бывшего адепта, заказ от конкурентов или просто тот факт, что группа стала слишком заметной.

Этап 2: Медийная атака. Далее в дело вступали СМИ. Через сеть лояльных журналистов, собственные сайты и публичные лекции Дворкин начинал массированную информационную кампанию. Общественное мнение накачивалось страхом. Сайты его центров превращались в доски позора, где вперемешку публиковались реальные трагедии, слухи и откровенная ложь. Любое преступление, совершенное человеком, который когда-то посещал занятия по йоге или читал эзотерическую книгу, подавалось как прямое следствие деятельности «секты». Цель — создать атмосферу моральной паники, в которой любое насилие против «сектантов» будет казаться оправданным.

Этап 3: Псевдо-экспертиза. Это ключевой этап, превращающий травлю в государственный документ. Когда силовикам требовалось юридическое основание для начала репрессий, они обращались за «религиоведческой экспертизой». И куда же они шли? В Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ. А кто возглавлял этот совет с 2009 года? Александр Дворкин.

Человек, который сам развязал травлю, теперь выступал в роли «беспристрастного» государственного эксперта, чтобы подтвердить свои же собственные обвинения. Его заключения, написанные псевдонаучным языком ненависти, ложились в основу уголовных дел. Идеология становилась приговором.

Этап 4: Силовое Подавление. Получив на руки «экспертизу», ФСБ и полиция начинали действовать. Обыски, допросы, изъятие литературы, аресты. Против мирных верующих, легально зарегистрировавших свои организации, применялись законы, предназначенные для борьбы с террористами и насильственными экстремистами.

Этап 5: Судебная Ликвидация. В суде прокурор зачитывал обвинение, основанное на экспертизе Дворкина. Судья, не имея специальных познаний в религиоведении и находясь под давлением общественного мнения, созданного СМИ, выносил обвинительный приговор. Организацию запрещали как «экстремистскую», а ее последователи отправлялись в тюрьму.

Схема «Дворкин (ярлык) → СМИ (паника) → Дворкин (экспертиза) → Силовики (репрессии) → Суд (приговор)» работала безотказно. Это был безжалостный процесс, превращающий право на свободу совести, гарантированное Конституцией, в пыль.

Глава 3.

Галерея разбитых судеб

Социальная смерть: Дело «сектанта в рясе» Анатолия Гармаева

Есть убийство пульей, а есть убийство репутацией. Второе медленнее, но зачастую мучительнее. Жертва еще дышит, ходит по земле, но для общества она уже мертва. Именно такую «социальную казнь» пережил православный педагог и миссионер Анатолий Гармаев.

Гармаев не строил многотысячных братств. Его «оружием» и его «преступлением», по мнению антикультовой сети, была мысль. Он был человеком неформатным, неудобным для системы, привыкшей к простым и однозначным ответам.

Выходец из бурятской семьи, он впитал в себя культуру Востока, что придавало его мысли особую глубину и парадоксальность. По некоторым сведениям, в юности он прошел через серьезное увлечение буддизмом, и этот опыт не прошел даром. Он научился тонко чувствовать и анализировать состояния человеческого сознания, что позже сделало его уникальным пастырем и психологом. В глазах его будущих гонителей это станет еще одним «отягчающим обстоятельством», добавляя его образу пикантной «подозрительности». Придя в православие, он принес с собой остроту ума и глубину поиска, не свойственные многим его собратьям.

Представьте себе конец 90-х. Руины советской системы воспитания, брошенные, никому не нужные подростки, «дети улиц», для которых путь лежал либо в тюрьму, либо в могилу. И среди этого хаоса появляется человек — священник, но не из тех, кто отсиживается в тиши храма. Анатолий Гармаев создает в подмосковном селе Авдотьино православную общину-коммуну «Ковчег». Это был реальный спасательный круг. Он собирал трудных подростков, бывших наркоманов, детей из неблагополучных семей и давал им то, чего у них никогда не было: дом, смысл, труд и веру.

Один из его бывших воспитанников, Сергей, вспоминал, как пришел к отцу Анатолию с тремя ходками на «малолетку», в кармане был нож, а в голове — одна мысль: где достать дозу. Он не читал ему проповедей. Он просто дал в руки топор, показал, как рубить дрова, и посадил за один стол со всеми. Впервые в жизни на Сергея смотрели не как на отброса, а как на человека. Отец Анатолий вытащил его с того света.

«Ковчег» стал уникальным, успешным проектом. О нем писали, его ставили в пример. Но успех в России — опасная вещь, особенно если ты делаешь что-то нестандартное. Слишком живая, слишком деятельная, слишком *непохожая* на приходскую рутину община стала мишенью. Вскоре в церковных и околоцерковных кругах зашептали: «Что-то там не так... слишком много свободы... слишком сильное влияние лидера».

Его книги и лекции в 90-е и 2000-е годы стали для многих настоящим откровением. В то время как с большинства амвонов звучали либо сухие проповеди, либо гневные обличения современного мира, отец Анатолий говорил с людьми на их языке. Он не боялся использовать данные современной психологии, интегрируя их в православное мировоззрение. Его книга «Этапы нравственного развития ребенка» стала настольной для тысяч православных родителей. Он не предлагал готовых рецептов, он учил думать. Например, он объяснял, что детское воровство — это не просто «грех», а часто крик о помощи, симптом недостатка родительского внимания. Он учил родителей не карать, а понимать и исцелять.

Отец Анатолий Гармаев часто повторял, что душа человека — это не просто чёрный ящик, куда достаточно «закладывать» правильные догмы. Это самый сложный и тончайший инструмент, который может быть расстроен. Задача пастыря — быть не только судьёй, но и настройщиком, врачом: психология даёт язык для описания этих расстройств, а Евангелие — способ их исцеления.

Для тысяч людей его слова были глотком свежего воздуха. Он помогал им строить здоровые отношения в семьях, находить общий язык с детьми-подростками, исцелять душевные раны. Он был пастырем-целителем. Но именно это и сделало его мишенью. В системе, где душа человека считается зоной исключительной компетенции священника (причем в его самой консервативной трактовке), любое упоминание «психологии» уже вызывало подозрение. А «психотехники» — это слово из лексикона Дворкина — звучало почти как ругательство.

«Машина» Дворкина, для которой любой нестандартный духовный лидер — потенциальный «сектант», взялась за дело. Анатолий Гармаев, православный священник,

был публично объявлен «сектантом в рясе», создателем «псевдоправославного деструктивного культа».

Атака велась по всем правилам черного пиара. Стигматизация через терминологию. Главным обвинением стало использование «психотехник». Это слово-пугало немедленно превращало любую психологическую методику, любое упражнение на самопознание в «опасную манипуляцию сознанием». Диалог с собственным внутренним миром, который предлагал Гармаев, был представлен как вербовочная технология «деструктивного культа». Информационная кампания. Сайт центра Ириней Лионского, вотчины Дворкина, превратился в плацдарм для нападения. Разберем одну из типичных «разоблачительных» статей. Она начинается с признания таланта Гармаева (демагогический прием «да, но...»). «Безусловно, отец Анатолий — одаренный проповедник, — пишет автор, — но за его популярностью скрывается опасная подмена». Далее автор берет идею Гармаева о важности прохождения «этапов детства» и выворачивает ее: «Гармаев предлагает взрослым людям искусственно "впадать в детство", используя сомнительные психотехники, что приводит к инфантилизации личности и делает ее уязвимой для манипуляций». Идея о понимании ребенка превращается в обвинение во введении в транс. Это не была научная полемика. Это была целенаправленная кампания по дегуманизации. Давление через институты. Дворкин и его структура не ограничивались статьями. Они использовали свой административный ресурс. В епархии, где служил Гармаев, в научные учреждения, где он мог бы выступить, в издательствах, где печатались его книги, потекли письма и доносы. «Письмо за подписью профессора Дворкина, эксперта при Министерстве юстиции, ложилось на стол ректора университета, — вспоминает один из организаторов лекций Гармаева. — Через два дня мне звонили из ректората и сообщали, что запланированная лекция отца Анатолия отменяется "по техническим причинам". Так было несколько раз. Вокруг него создавали вакуум».

Механизм травли был запущен с отработанной точностью:

- **Псевдоэкспертиза:** Методы Гармаева — трудотерапия, совместная жизнь в общине, глубокий личный контакт с воспитанниками — были преподнесены в «экспертных» заключениях адептов Дворкина как «манипуляция сознанием», «контроль поведения» и «разрыв с семьей». Успешная реабилитация наркоманов была названа «психологическим насилием».
- **Медийная кампания:** В СМИ хлынул поток статей, где «Ковчег» изображался зловещим местом, а его создатель — опасным «гуру», заманивающим в свои сети доверчивых юношей.

- **Давление на иерархию:** Опираясь на созданный им же информационный шум, Дворкин и его сторонники добились реакции от церковного руководства. Бюрократы от православия, напуганные обвинениями в «потворстве сектанту», предпочли пожертвовать неудобным миссионером.

После публичных обвинений в адрес Гармаева его близкие вспоминали о его переживаниях по поводу произошедшего. Он воспринимал ситуацию как искажение сути его работы: педагогические методы были названы манипуляцией, труд воспитанников — эксплуатацией, а православный подход — ересью.

Наибольшую боль, по свидетельствам знакомых, ему причиняло не личное обвинение, а последствия для воспитательной работы: репутационный урон мог закрыть возможности для помощи подросткам из неблагополучных семей, которых он пытался удерживать от улицы.

Анатолий Гармаев не ограничился молчанием в ответ на обвинения. Он осознал, что столкнулся не просто с критикой, а с системным явлением, которое в православной среде получило название «дворкинизм».

Критики методов Дворкина характеризовали их как идеологический подход, основанный на поиске врагов и стигматизации. Основные претензии сводились к следующему: вместо богословской или научной аргументации использовались ярлыки и терминология-пугала («секта», «контроль сознания», «психотехники»), целью была не полемика, а подавление инакомыслия через публичное шельмование и административное давление.

Он предложил четкую стратегию сопротивления: изучать врага, не молчать и защищаться юридически. Он и его сторонники действительно участвовали в судебных процессах.

На стороне Дворкина был мощный административный и церковный ресурс, статус «профессора» и «эксперта». Суды чаще всего отказывали в исках, ссылаясь на «оценочные суждения» ответчика. Но эта борьба не была напрасной. Она заставляла машину Дворкина платить за свою клевету и вскрывала псевдонаучность ее методов.

Конфликт с антисектантскими структурами стал тяжёлым испытанием последних лет жизни Гармаева. Публичные обвинения в «сектантстве», размещение критических материалов на сайте Центра Ирины Лионского, телевизионные сюжеты — всё это создало вокруг его имени атмосферу подозрительности и недоверия.

Он продолжал бороться: служил настоятелем храма в Волгограде, издавал книги (семь за последние четыре года), записывал проповеди, руководил общиной «Отрада». Но

репутационный удар был нанесён. Масштаб влияния сократился, воспитательные проекты, на которые он возлагал надежды, оказались под угрозой. Многие, кто мог бы получить помощь, так и не узнали о его работе — страх перед ярлыком «секты» оказался сильнее.

Последние годы здоровье всё чаще давало о себе знать. 17 марта 2021 года, в возрасте 72 лет, Анатолий Гармаев скоропостижно скончался от сердечно-сосудистого заболевания.

«Последние годы были для него очень тяжелыми, — вспоминает близкий друг. — Он был человеком действия, человеком слова. А его заперли в четырех стенах. Он пытался писать, но издательства боялись его печатать. Здоровье начало сдавать одно за другим. Это была не физическая боль. Это была боль от невозможности делать то, для чего ты был рожден. Его просто вычеркнули из жизни».

Человек, спасший десятки душ, сам стал изгоем, преданным той самой системой, которой он служил. Он не умер сразу. Он умер медленно, от тоски и осознания того, что его доброе имя растоптано навсегда. Его физическая смерть несколько лет спустя стала лишь формальностью. Социально его убили гораздо раньше — в тот день, когда на него повесили ярлык «сектанта».

Дело Георгия Кочеткова: Инквизиция против «своих»

Если история Анатолия Гармаева была трагедией охоты на «Другого», то судьба священника Георгия Кочеткова — это леденящая душу хроника того, как система пожирает «своих». Это рассказ о гражданской войне внутри одной веры, где живое, дышащее, ищущее правды христианство было объявлено ересью теми, кто привык к мертвому формализму, контролю и власти. Это инквизиция, развязанная не против чужака, а против брата, чей грех, состоял лишь в том, что он отнесся к Евангелию слишком серьезно.

1. Живая община

Представьте себе старый московский храм, недавно отнятый у разрухи, еще хранящий запах свежей штукатурки и не до конца высохшей краски. Он полон людей, но это не та пестрая, рассеянная толпа, что заходит «поставить свечку». Это — собрание, где люди объединены в едином порыве. Идет Божественная литургия. Но здесь не слышно привычного, убаюкивающего бормотания на полупонятном языке. Каждое слово Евангелия, каждая молитва звучит на живом, современном русском языке. И от этого происходит чудо: древние

тексты перестают быть ритуальным фоном и становятся событием, происходящим здесь и сейчас.

«*Миром Господу помолимся...*» — и это не формула, а реальный призыв к молитве о мире, который отзывается в сердце каждого. «*Верую во Единого Бога Отца...*» — и это не беглое чтение, а совместное, осмысленное, мощное исповедание, где каждый голос сливается в хор, утверждающий свою веру перед лицом безбожного века.

Люди в храме не стоят, как истуканы. Они молятся. Их лица осмысленны. Они знают, *что* происходит, *в чем* они участвуют. Это не магия, а таинство. Не обряд, а встреча.

А теперь перенесемся из храма в обычную московскую квартиру. За столом, заставленным чашками с чаем и простым печеньем, сидит десяток человек — профессор и студент, врач и художник, молодая мать и убеленный сединами старик. Это «семья» — одна из малых групп Преображенского братства. Они только что вместе прочитали отрывок из Евангелия, и теперь идет обсуждение. Нет ни менторского тона, ни заученных ответов из катехизиса. Есть живой, порой острый, но всегда уважительный разговор.

— Мне кажется, слова Христа о том, что «Царство Божие внутри вас есть», означают, что не нужно искать его где-то вовне, в пышных обрядах... — А я не согласен. Как же тогда Церковь? Разве она не есть начало Царства здесь, на земле? — Но какой должна быть эта Церковь? Той, что отлучает за «неправильные» мысли, или той, что способна вместить каждого ищущего?

Это и есть «кочетковщина» в ее сути. Не секта, не тайное общество, а отчаянная попытка вернуть в церковную жизнь то, что было утеряно за века формализма и страха: осмысленную веру, живую общину, братскую любовь и интеллектуальную честность.

Это была вера с открытыми глазами. Вера, которая не боится задавать вопросы и искать на них ответы. Вера, которая требует от человека не слепого подчинения, а полной самоотдачи — ума, сердца и воли. И именно эта жизнь, эта энергия, эта свобода и стали главной угрозой для тех, кто видел в Церкви не Тело Христово, а жесткую иерархическую структуру, основанную на страхе, контроле и безоговорочном послушании. Система не терпит жизни. Она увидела в этом живом организме раковую опухоль и решила вырезать ее каленым железом.

2. Путь священника: Строитель братства

Чтобы понять, почему отец Георгий Кочетков стал костью в горле системы, нужно увидеть, кем он был. Он не был ни маргиналом, ни диссидентом-самоучкой. Он был плоть от плоти московской интеллигенции, человек глубокой академической культуры, чей путь к вере был результатом не эмоционального порыва, а долгого и мучительного интеллектуального поиска.

Родившись в 1950 году в Москве, он, как и многие его сверстники, вырос в атеистической среде. Но в середине 60-х, в годы «оттепели», когда воздух был пьяняще наполнен свободой и поисками смысла, он приходит к православной вере. После окончания престижного Института народного хозяйства им. Плеханова и аспирантуры Института экономики, он, казалось, был обречен на успешную научную карьеру. Но он выбрал другой путь. С начала 1970-х годов он, рискуя всем, начинает подпольную миссионерскую и катехизаторскую деятельность. В затхлой атмосфере брежневского застоя он собирает вокруг себя людей, жаждущих правды, и открывает им Христа.

Это не было похоже на обычный приход. Сюда, в полуподвальные помещения, на тайные квартиры, стекалась ищущая интеллигенция: физики и филологи, художники и врачи. Его главным делом стала катехизация — то, что в официальной церкви было почти полностью утрачено. Он создал многолетнюю, продуманную систему подготовки людей ко крещению и вхождению в церковную жизнь. Это был настоящий духовный университет. Люди месяцами, а то и годами, изучали Священное Писание, историю Церкви, основы догматики. Вера переставала быть слепой, она становилась осознанной. «Мы хотим, чтобы человек знал, во что и в Кого он верит, — говорил отец Георгий в одной из своих лекций. — Крещение — это не магический обряд, гарантирующий спасение. Это вступление в Завет с Богом, это принятие на себя ответственности за свою жизнь и за жизнь Церкви. Как можно вступить в Завет, не зная его условий?»

Это было православие с человеческим лицом — открытое, живое, ищущее, общинное. Слишком яркое. Слишком свободное.

Эта деятельность не могла остаться незамеченной. В 1980 году он поступает в Ленинградскую духовную академию, пытаясь легализовать свое служение. В 1983 году, накануне последнего курса, его отчисляют. Повод — донос «уполномоченного по делам религий». Причина — слишком живая миссия, слишком смелые беседы, слишком независимый ум. Диспут с баптистами, где он блестяще защищал православие, стал последней каплей. Запланированная на Пасху священническая хиротония была отменена.

Это был первый удар, первое клеймо «неблагонадежного». Но он не сломался. В 1988 году, на заре Перестройки, он неофициально создает Свято-Филаретовский православно-христианский институт (СФИ) — первый в стране негосударственный богословский вуз, открытый еще в советское время. В 1989 году его, наконец, рукополагают в священники.

Его энергия казалась неисчерпаемой. Он не только проповедует и учит. Он строит.

- **Он строит Братство.** Разрозненные подпольные кружки 70-х и 80-х годов он собирает в мощное движение — Преображенское содружество малых православных братств. Это уникальная структура, возрождающая принципы раннехристианской общины, где вера переживается не в одиночку, а в братском общении.
- **Он строит Храмы.** В начале 90-х, когда Церкви возвращали руины, его община берется за невозможное. Они восстанавливают Сретенский храм (Владимирский собор) на Большой Лубянке в самом центре Москвы, а затем — храм Успения в Печатниках. Эти храмы становятся центрами притяжения для тысяч людей.
- **Он строит Мысль.** Он разрабатывает уникальную систему глубокой, многолетней катехизации, которая готовит людей к осознанному вступлению в Церковь. Он инициирует колоссальный труд по переводу богослужебных текстов на современный русский язык, чтобы сделать их понятными для каждого.

Отец Георгий Кочетков был созидателем. Он строил живую Церковь. И именно это строительство было воспринято идеологами ненависти как подкоп под фундамент их собственной власти.

3. «Современная инквизиция»: Начало атаки

Атака на отца Георгия и его Братство началась не сразу. Она зрела постепенно, по мере того как росла и крепла его община. Идеологи ненависти, возглавляемые Александром Дворкиным, видели в этом живом движении угрозу своему монопольному праву определять, что есть «правильное» православие. К Дворкину быстро присоединились и другие видные фигуры консервативного крыла Церкви — архимандрит (ныне митрополит) Тихон (Шевкунов), протоиерей Димитрий Смирнов, медийный рупор в лице радиостанции «Радонеж».

Был сформирован мощный идеологический фронт, и в ход пошел весь арсенал антикультистских технологий.

Шаг первый: Навешивание ярлыка. Братство было объявлено «гуруистской сектой». Сам отец Георгий — авторитарным «гуру», требующим от своих последователей беспрекословного подчинения. Это был первый и главный удар. Термин «секта» мгновенно выводил Кочеткова из поля нормальной церковной дискуссии и помещал в категорию врагов, с которыми не спорят, а борются.

Шаг второй: Создание «доказательной базы». Дворкин и его сторонники начали методично конструировать образ врага. Любая особенность жизни братства выворачивалась наизнанку и подавалась как признак сектантства. В своих статьях и выступлениях Дворкин не утруждал себя анализом богословия Кочеткова. Он использовал метод подмены, создавая уродливую карикатуру.

Тезис учения о. Георгия: «Осознанное членство в Церкви через глубокую подготовку (катехизацию)».

Манипулятивная интерпретация Дворкина: «Деление Церкви на "полных" членов (элиту) и "неполных" (быдло, профанов)».

Тезис учения о. Георгия: «Тесная общинная жизнь в малых группах ("семьях") для взаимной поддержки».

Манипулятивная интерпретация Дворкина: «Разрушение традиционных семей, установление тотального контроля над жизнью адептов».

Тезис учения о. Георгия: «Интеллектуальный, современный язык проповеди, диалог с культурой и наукой».

Манипулятивная интерпретация Дворкина: «Гностицизм, элитарность, горделивое противопоставление себя "простому народу"».

Шаг третий: Фальсификация учения. Самым страшным оружием стала прямая клевета, облеченная в богословскую форму. Дворкин сформулировал главное обвинение — «экклезиологическая ересь». Он утверждал, что Кочетков делит Церковь на два сорта: «полных» членов (своих, «посвященных») и «неполных», «быдло» (всех остальных). Это была чудовищная карикатура на идею осознанного и ответственного членства в Церкви. Мысль Кочеткова об ответственности превратилась в его кривом зеркале в обвинение в создании горделивой касты.

Дальше — больше. В ход пошли доносы и вырванные из контекста цитаты. Кочеткову начали приписывать самые немыслимые догматические заблуждения. Из одной лекции в

другую, из одной статьи в другую кочевали обвинения, будто он: отрицает бессмертие души, уча о ее «смертности»; не верит в ангелов и бесов, считая их лишь «символами»; сомневается в Приснодевстве Богородицы.

Эти обвинения не нужно было доказывать. Достаточно было их многократно и уверенно повторять, ссылаясь на свой статус «эксперта». Ложь, повторенная сто раз, начинала восприниматься как правда, создавая вокруг Кочеткова и его братства токсичное облако подозрений.

Острием атаки стала деятельность лично Александра Дворкина. Его статья «Методы контролирования сознания в общине священника Георгия Кочеткова» является хрестоматийным примером антикультистской демагогии. Это шедевр оруэлловской инверсии, где здоровые процессы описываются в терминах патологии.

Анализ метода Дворкина:

Элемент общинной жизни	Трактовка Дворкина (патологизация)
Глубокая катехизация (оглашение)	«Хорошо отлаженная машина, которая поглощает, обрабатывает и подчиняет человека». «Промывка мозгов».
Малые группы («семьи»)	«Система тотального контроля», где катехизатор-надсмотрщик следит за каждым шагом.
Регулярные встречи и общие правила	«Контроль поведения», «подавление индивидуальности», создание зависимости от группы.
Авторитет священника и катехизаторов	«Гуруизм», «культ личности», требование беспрекословного подчинения, подавление критики.
Общий духовный настрой, радость веры	«Бомбардировка любовью» — фальшивая эйфория, используемая для вербовки.

Дворкин и созданный им Информационно-консультационный центр св. Ирины Лионского не ограничились анализом «методов». Они нанесли удар по самому сердцу — по богословию отца Георгия. Вырывая фразы из его катехизиса «Идите, научите все народы», они обвинили его в тяжелейших догматических преступлениях: в том, что он якобы не признает Христа «Единосущным Отцу», а Святого Духа — Господом. Для любого православного человека это обвинение равносильно обвинению в арианстве — древней ереси, осужденной Первым Вселенским собором.

Это была уже не критика. Это была анафема. Это была попытка вытолкнуть отца Георгия и тысячи его последователей за пределы православного мира, объявить их еретиками, не имеющими ничего общего с Церковью. Инквизиция заработала на полную мощность. Костры еще не пылали, но репутационные костры уже были зажжены.

4. Битва за общину: От храмов до душ

С начала 90-х годов война из теоретической плоскости перешла в практическую. Она велась за все: за храмы, за репутации, за души людей.

Первым полем битвы стали храмы, восстановленные общиной. Когда Преображенское братство занимало Владимирский собор Сретенского монастыря, началась кампания по их вытеснению. В ход пошел черный пиар. Именно тогда родилась одна из самых грязных клеветнических историй — об инциденте со священником Михаилом Дубовицким. В 1997 году критики обвинили отца Георгия и его общину в том, что они якобы «затравили, избили и насильственно госпитализировали в психиатрическую лечебницу» этого священника. Эта история, многократно опровергнутая, стала тем не менее одним из главных «доказательств» «сектантской жестокости» кочетковцев и до сих пор тиражируется на антикультистских ресурсах. Когда монастырь был передан новой монашеской общине под руководством архимандрита Тихона (Шевкунова), одного из главных оппонентов Кочеткова, конфликт достиг апогея. «Кочетковцев» выставляли захватчиками, не желающими уступать святыню.

Но самая болезненная война велась не за стены, а за души. Технология «охоты на ведьм» была запущена по всей стране. Ее последствия были разрушительны.

- **Давление на последователей:** Ярким примером стал инцидент в Нижневартовске в 2012 году. Там прихожан одного из храмов, связанных с Преображенским братством, местный священник, напуганный лекциями Дворкина, просто перестал допускать к Причастию. Без всяких канонических оснований, без церковного суда, на основании

одной лишь клеветы, людей лишали самого главного — участия в Евхаристии. Это был акт вопиющего беззакония, духовного насилия, ставшего прямым следствием антикультовой истерии.

- **Атмосфера страха и раскол в семьях:** Пропаганда Дворкина отравляла умы. Родственники членов Братства, наслушавшись страшилок по радио «Радонеж» или прочитав пасквилы в интернете, начинали видеть в своих близких «завербованных зомби». Матери боялись за детей, мужа — за жен. Рвались семейные узы, рушилась дружба. Людей заставляли стыдиться своей веры, чувствовать себя неполноценными, «неправильными» православными. Их живой духовный опыт был обесценен и объявлен прелестью и самообманом.

Это была изощренная пытка. Людей лишали не только Причастия, но и доброго имени, поддержки близких, душевного мира. Их заставляли либо отречься от своей общины и своего священника, либо принять на себя клеймо «сектанта» и изгоя. Машина ненависти перемалывала не богословские концепции, а живые человеческие судьбы.

5. Удар по репутации

К началу 2000-х годов гонители решили нанести сокрушительный удар, который должен был окончательно уничтожить отца Георгия не только как пастыря, но и как серьезного богослова. Мишенью стала его академическая репутация.

Отец Георгий, будучи одним из самых плодотворных и оригинальных современных православных авторов, представил к защите докторскую диссертацию. Ученый совет Московской духовной академии (МДА), оценив высокий научный уровень работы, принял решение о присуждении ему искомой степени доктора богословия (*honoris causa*).

Это был бы триумф. Признание его богословского вклада со стороны ведущего учебного заведения Церкви положило бы конец многим спекуляциям о его «неправославности». И именно поэтому его враги не могли этого допустить. Была развернута беспрецедентная кампания давления на руководство Академии и на Патриархию. Потoki доносов, писем, публикаций обрушились на тех, кто принимал решение.

И система дрогнула.

Решение Ученого совета МДА было отменено. Это был акт публичного унижения, пощечина, нанесенная на глазах у всей Церкви. Отцу Георгию не просто отказали в

признании — его объявили недостойным, его многолетние богословские труды были перечеркнуты. Цель была достигнута: его лишили академического авторитета, создав образ не просто «сектанта», но и самозваного, некомпетентного богослова.

За этим последовала массированная медийная травля. Лояльные Дворкину и его кругу СМИ, в первую очередь радио «Радонеж», захлебывались от восторга, празднуя победу над «ересиархом». В эфир выливались потоки грязи, клеветы и откровенных угроз.

Для отца Георгия и его Братства это были самые темные времена. Они оказались под перекрестным огнем: со стороны церковных консерваторов, со стороны антикультистов, со стороны напуганной бюрократии. Они были в осаде.

Кульминация и итог

Спустя три года, в 2000 году, после тщательного разбирательства новой Богословской синодальной комиссии стало ясно, что обвинения против отца Георгия были основаны на клевете и недоразумениях. Запрет в служении был снят. Справедливость вроде бы восторжествовала.

Но это была победа с горьким привкусом. Репутационный ущерб, нанесенный годами травли, был огромен. Клеймо «секты», поставленное Дворкиным, оказалось невероятно живучим. Миф, созданный его пропагандой, продолжал жить своей жизнью, отравляя атмосферу вокруг братства на десятилетия вперед. Любой священник, любой епископ, который хотел бы поддержать служение Кочеткова, теперь должен был десять раз подумать, не желая связываться с «токсичной» темой. Дворкин проиграл битву в синодальной комиссии, но выиграл войну за общественное мнение.

Дело Георгия Кочеткова стало показательным. Оно продемонстрировало, как машина «борьбы с сектами», изначально нацеленная на внешних врагов, может быть с легкостью развернута против «своих». Против любого, кто мыслит, ищет и живет не по шаблону. Это был урок для всей Церкви: не высовывайся, будь как все, иначе молот, предназначенный для «еретиков», обрушится и на твою голову. Огонь инквизиции, разожженный Дворкиным, опалил саму Церковь.

Охота на ведьм: Кошмар Елены Брессем

История Елены Брессем — это средневековая охота на ведьм, разыгранная в декорациях современной России. Здесь «Машина» Дворкина перешла на следующий уровень жестокости, используя самые грязные и безотказные обвинения.

На первый взгляд, семья Брессемов из Перми выглядела благополучной. Александр Брессем был известным предпринимателем, руководил четырьмя компаниями. Елена в то время была домохозяйкой, воспитывающей двух детей — сына Константина и дочь Полину. Но за фасадом благополучия скрывалась другая реальность. Александр, казавшийся окружающим образцовым мужем и заботливым отцом, дома превращался в тирана, разрешая конфликты с женой кулаками. Елена долго терпела издевательства, пытаясь сохранить семью ради детей. Но однажды ее терпение лопнуло, и она приняла решение уйти, забрав с собой детей.

Чтобы обрести финансовую независимость, Елена начала работать в сетевом маркетинге, став независимым партнером компании Herbalife. В декабре 2012 года оформила официальный развод. Ее жизнь начала налаживаться: она обеспечивала детей, зарабатывала стабильный доход, а вскоре познакомилась с мужчиной из Москвы.

«У нас завязались серьезные отношения, и он пригласил меня переехать к нему вместе с детьми, — рассказывает Елена. — До этого момента мой бывший муж совершенно не интересовался ни мной, ни детьми: не звонил, не общался с ними, не оказывал никакой финансовой поддержки. Но когда он узнал о моем переезде, его поведение резко изменилось. Он начал угрожать мне».

В октябре 2013 года Александр совершил поступок, который перевернул жизнь Елены: он забрал 12-летнего Константина из московской школы и тайно увез в Пермь. «Дочь Полина позвонила мне из школы и сказала, что видела, как отец забирает Константина. Я заподозрила неладное и сразу подала заявление в полицию о пропаже ребенка. Однако мне отказали в возбуждении уголовного дела. Полиция объяснила, что отец имеет такие же права, как и мать», — делится Елена.

Разгневанный тем, что бывшая жена «сбежала» с детьми к другому мужчине, Александр нашел неожиданное оружие в своей борьбе — организацию РАЦИРС во главе с Александром Дворкиным. Он нанял адвоката Александра Корелова, который, по словам Елены, тесно связан с Дворкиным.

На судебном процессе о месте жительства детей Елену ждал шок: против нее выступили люди, которых она никогда раньше не видела. «Внезапно в суде появились свидетели,

которых я никогда раньше не видела, — рассказывает Елена. — Мой бывший муж привел в качестве свидетелей заместителя руководителя Миссионерского отдела Пермской епархии РПЦ Евгения Ошмарина и руководителя РАЦИРС Александра Дворкина. Они утверждали, будто я являюсь членом тоталитарной секты».

В поддержку этих заявлений была представлена «экспертиза» Алексея Воата из РАЦИРС — документ объемом более 200 страниц, объявляющий компанию Herbalife сектой, а ее сотрудников — «прислужниками коммерческого культа». Воат сравнивал представителей Herbalife с колдунами и ведьмами, трактуя стандартные практики успеха как магические символы и техники промывания мозгов.

Более того, по словам Ошмарина и Дворкина, Елена Брессем являлась последовательницей не одной, а сразу двух сект. Кроме Herbalife, ее обвиняли в участии в «движении Каббалы», которое также было классифицировано как секта и культ.

Елена с недоумением слушала эти обвинения. «Я посещала Московский центр Каббалы, — объясняет она. — Я читала книги, которые популярны во всем мире. Эти знания чисто практические, дают конкретную мудрость для повседневной жизни. Только человек с отсталым мышлением и сомнительными источниками информации, застрявший в собственном ограниченном мировоззрении, может негативно судить о том, в чем не разбирается».

В своей «экспертизе» Алексей Воат утверждал, что вовлечение детей в каббалистическую философию может привести к тяжелым психическим расстройствам, требующим стационарного лечения. «Если следовать его логике, то можно сказать, что обучение физике тоже приведет к психическим расстройствам, — возмущается Елена. — Ведь в каждой школе преподают законы Ньютона, а сам Ньютон глубоко изучал Каббалу, и этому есть подтверждения в Гарвардском университете. Seriously говоря, я читала своим детям только возрастную детскую литературу».

Столкнувшись с абсурдностью обвинений, Елена начала копать глубже. «Меня заинтересовали личности этих людей, я стала искать в интернете, кто это такие, и выяснила, что все они, включая Александра Корелова, состоят в РАЦИРС. То есть, вся эта толпа, выступающая на суде против меня, и доказывающая, что я сектант, — члены одной организации!»

Чтобы проверить, как работает эта система, Елена решила провести эксперимент. «Я позвонила в РАЦИРС, рассказала, что у меня якобы муж работает в Амвей (не стала

говорить про Гербалайф, привела другой пример) — а для них это тоже секта — и еще он йогой увлекся в последнее время, мол, что мне делать? И мне сразу описали примерный сценарий: можно их нанять, они приедут, расскажут, как действовать, состреляют документы, выступят на суде свидетелями — все это за определенную плату».

Елена пришла к выводу, что ее случай — это хорошо спланированная акция, оплачиваемая бывшим мужем.

Ситуация приобрела оттенки сюрреализма, когда Александр и его адвокат решили, что могут признать Елену невменяемой и поместить в психиатрическую клинику. В суд была представлена некая экспертиза, из которой следовало, что Елена ненормальная.

«Понимая, что эти люди ни перед чем не остановятся, я сделала запрос в Москву, в Федерацию судебных экспертиз, и мне сообщили, что проведенные тесты не соответствуют заключению экспертов. Эту информацию я предоставила в суд, который ее принял. Видимо, они не рассчитывали, что я найду силы и средства на то, чтобы всю эту "экспертизу" проверить... И когда я представила свои доказательства, суд их экспертизу признал недействительной, и назначил новую, которую мы с дочерью прошли, а он с сыном не явился на экспертизу, потому что экспертиза бы показала, что сын не хочет с ним находиться», — рассказывает Елена.

Тем временем Дворкин давал интервью, искажающие реальность: «В Перми я уже третий раз, но сейчас я сюда приехал по частному делу — для того, чтобы принять участие в судебном процессе. Следовательно, настроение у меня рабочее. Меня пригласили выступить в суде в качестве эксперта. Дело в том, что женщина, попавшая под влияние сразу двух сект, оставила мужа и скрылась в неизвестном направлении, забрав с собой двух малолетних детей. Супруг с трудом нашел свою жену; ее уже успели выдать замуж в секте, и теперь он пытается через суд вернуть детей».

«Откуда этот незнакомый человек может вообще что-то обо мне знать? Но он выступал как свидетель», — недоумевает Елена.

Чем закончилась эта история и что случилось дальше — неизвестно.

Этот случай наглядно демонстрирует, как институт «сектоведения» может быть использован как инструмент давления и манипуляции в личных и коммерческих целях. Отлаженный механизм РАЦИРС позволяет заказчикам получать нужные «экспертизы» и свидетельские показания за деньги, разрушая жизни обычных людей под прикрытием

борьбы с сектами. История Елены Брессем — лишь один из многих примеров того, как подобные практики могут привести к трагическим последствиям для семей и детей.

История Елены Брессем — это приговор. Приговор системе «дворкинизма», которая дошла до своей последней стадии деградации. Идеология ненависти, поставленная на коммерческие рельсы, стала товаром. Услугой, которую можно купить, чтобы уничтожить своего врага. Эта история — о бизнесе на человеческом горе.

Самая страшная и коварная ложь Дворкина заключается в том, что он позиционирует себя как защитник семьи. Его центры якобы помогают родственникам «вытащить» своих близких из «сект». На практике все происходит с точностью до наоборот. Именно идеология Дворкина, как вирус, проникает в семьи и разрушает их изнутри, превращая самых близких людей во врагов.

История Анны и ее матери

Анна, молодая женщина из Петербурга, увлеклась йогой и медитацией. Она нашла в этом способ справиться со стрессом и обрести внутреннюю гармонию. Ее пожилая мать, напуганная телепередачами и статьями Дворкина, которые она находила в интернете, решила, что дочь попала в «деструктивный культ».

Она не стала разговаривать с дочерью. Она позвонила в местный «антисектантский» центр, филиал РАЦИРС. Там ей дали четкую инструкцию: «Ваша дочь зомбирована, разговаривать с ней бесполезно. Нужно действовать решительно». Ей посоветовали собрать на дочь «компромат» и написать заявление в полицию и органы опеки, так как у Анны был маленький сын.

То, что началось дальше, было адом. Мать, искренне веря, что «спасает» дочь и внука, начала шпионить за Анной, записывать ее разговоры. Она написала доносы во все инстанции, обвиняя дочь в том, что та «вовлекает ребенка в секту» и «представляет для него угрозу». К Анне пришли из органов опеки с проверкой. Ее начали вызывать на допросы в полицию.

Семья была разрушена. Анна была вынуждена прервать всякое общение с матерью, которая из любящего человека превратилась в одержимого преследователя, вооруженного методичками Дворкина. Доверие, любовь, родственные узы — все это было принесено в жертву на алтарь «борьбы с сектами».

«Сектоведение» Дворкина на службе рейдеров: Дело центра «Рожана»

Технология клеймения «сектантов» оказалась не только инструментом идеологической борьбы, но и прибыльным коммерческим продуктом, услугой по устранению конкурентов. «Сектоведение» Александра Дворкина стало оружием в корпоративных войнах, где на кону стояли не души, а миллионы долларов. Показательный пример — история уничтожения центра «Рожана».

Когда в 1989 году москвичка Жанна Цареградская создала Центр перинатального воспитания и поддержки грудного вскармливания «Рожана», она и представить не могла, что ее новаторский и успешный проект будет раздавлен с помощью ярлыка «секта». Изначально задуманная как некоммерческая организация, «Рожана» со временем стала самой известной в России структурой в сфере «естественного материнства» и начала приносить солидный доход. Именно в этот момент и начались проблемы.

Сценарий атаки был классическим для «Машины», но мотив — новым, чисто коммерческим:

- **Создание информационного фона:** В медиапространстве и через «независимых» активистов, поддержанных «сектоведами», начались вбросы о том, что «Рожана» — это не просто центр для будущих мам, а опасная секта.
- **Привлечение «эксперта»:** Для усиления эффекта и придания обвинениям веса к кампании был привлечен главный специалист по «сектам» — Александр Дворкин. Его участие легитимизировало травлю, превратив бизнес-конфликт в «борьбу за духовную безопасность».
- **Вмешательство силовиков:** Опираясь на созданный Дворкиным и его соратниками общественный резонанс, правоохранительные органы возбудили уголовные дела по нескольким статьям УК РФ. Сама Цареградская была взята под стражу, а ее муж оказался за решеткой.

По мнению самой Жанны Цареградской, все произошедшее было не более чем классическим рейдерским захватом успешного бизнеса. Заказчиком, по ее утверждениям, выступил прямой конкурент — крупная сеть клиник «Мать и дитя». Поразительное совпадение: самые ожесточенные атаки на «Рожану» совпали по времени с выходом акций «Мать и дитя» на фондовый рынок, где стоимость компании оценивалась в сотни миллионов

долларов. Устранение сильного и популярного конкурента, обладавшего уникальной методикой, было критически важной задачей.

Дворкин блестяще выполнил свою часть работы. В глазах общественности, властей и правоохранителей «Рожана» из передового центра превратилась в «деструктивный культ». Обвинения в «сектантстве» оказались идеальным прикрытием для корпоративной войны, методом, который бизнес-аналитики с Уолл-стрит вряд ли могли себе представить.

Сама Цареградская, находясь под ударом, давала жесткую оценку своим гонителям:

«Прошу обратить внимание, что... эксперты-сектоведы... страдают психическими расстройствами. Речь идет о господине Дворкине А.Л., история болезни которого была опубликована в прессе. Теперь очень понятно, почему этому придурку секта мерещилась в домашних родах, грудном вскармливании и фермерских хозяйствах!»

Ее отчаянный риторический вопрос подводит итог этой циничной операции:

«Какой же сволочью надо быть, чтобы ради частных интересов гробить здоровье нации?! Кто может ответить мне?!»

История «Рожаны» вскрыла новую, уродливую грань «Машины Ненависти». Оказалось, что услуги «сектоведов» можно купить. Их экспертизы, медийное влияние и связи с силовиками превратились в отлаженный механизм для оказания «рейдерских» услуг. Играя на святах для многих людей понятиях веры и духовности, можно было изящно «отжать» бизнес, уничтожить конкурента и заработать на этом немалые гонорары.

Экстремисты с Библией: Трагедия Свидетелей Иеговы

Если истории, описанные выше — это пример точечного удара, то кампания против Свидетелей Иеговы — это коврая бомбардировка. Это история о том, как целое религиозное движение, насчитывающее в России более 170 тысяч последователей, было объявлено вне закона и превращено в объект общенациональной охоты. И в центре этой трагедии, как главный идеолог и катализатор, стоял Александр Дворкин.

Годами он и его сеть РАЦИРС методично создавали образ врага. Свидетели Иеговы были для них идеальной мишенью. Их вероучение отличается от традиционного православия. Их проповедническая деятельность заметна. Их принципиальный отказ от службы в армии и переливания крови — удобный повод для обвинений в «антигосударственной» и «человеконенавистнической» деятельности.

Из лекции в лекцию, из интервью в интервью Дворкин повторял одни и те же мантры: «зомбирование», «разрушение семей», «психологическое насилие». Его «экспертные заключения» ложились в основу сотен административных и уголовных дел по всей стране. Он готовил почву. И в 2017 году государство нанесло решающий удар.

20 апреля 2017 года Верховный суд Российской Федерации, основываясь на сфабрикованных доказательствах и предвзятых «экспертизах», признал «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России» и все его 395 региональных отделений «экстремистскими организациями».

С этого дня для десятков тысяч мирных граждан России начался ад. Слово «экстремист», которое ассоциируется с террористами и неонацистами, было приклеено к пожилым женщинам, раздающим брошюры, и к семьям, которые просто собирались вместе, чтобы читать Библию.

Этап 1: Маркировка. Дворкин и его РАЦИРС десятилетиями создавали образ «Свидетелей Иеговы» как одной из самых опасных «тоталитарных сект». В своих книгах и лекциях он обвинял их во всем: от разрушения семей до шпионажа и подготовки государственного переворота. Это была классическая дегуманизация. Он не спорил с их богословием, он отказывал им в праве считаться людьми.

Этап 2: Медийная атака. Через лояльные СМИ и собственные интернет-ресурсы был запущен вал дезинформации. Любой бытовой конфликт в семье «Свидетелей», любой отказ от переливания крови по религиозным соображениям подавался как злое преступление, как доказательство их «деструктивной» сущности. Общественное мнение было подготовлено. Страх и ненависть были посеяны.

Этап 3: Псевдо-экспертиза. Когда было решено нанести удар, понадобилось юридическое основание. И Дворкин предоставил его. Его «экспертизы», где Библия в переводе «Свидетелей» и их литература объявлялись «экстремистскими материалами», легли в основу обвинений. Круг замкнулся: главный подстрекатель стал главным судьей.

Этап 4 и 5: Репрессии и приговор. В апреле 2017 года Верховный суд РФ, опираясь на эти «экспертизы», признал «Свидетелей Иеговы» экстремистской организацией и запретил их деятельность по всей стране. Маховик репрессий был запущен.

То, что последовало дальше, напоминает самые мрачные страницы истории. По всей России начались облавы. Группы ОМОНа в масках и с автоматами врываются в дома верующих. Ищали не оружие или бомбы. Ищали Библии и религиозные брошюры.

История семьи Савельевых, г. Сургут

Утро обычной семьи. Валентин Савельев, пенсионер, и его жена мирно спят в своей квартире. В 6 утра раздается грохот. Дверь слетает с петель. В квартиру врываются люди в черной форме с оружием. Валентина бросают лицом в пол. Начинается обыск, который длится несколько часов. Переворачивают все вверх дном: ищут «экстремистскую» литературу. Находят Библию.

Позже Валентина и еще нескольких его единоверцев отвезут в следственный комитет. Там начнутся допросы. Но это не просто допросы. Это пытки. Людей избивают, душат пакетами, бьют электрошокером, требуя одного — оговорить себя и своих друзей, признаться в «экстремистской деятельности». То есть, в том, что они вместе читали Библию и молились Богу.

Эта история — не вымысел. Это задокументированный факт. В феврале 2019 года в Сургуте как минимум семеро «Свидетелей Иеговы» подверглись жесточайшим пыткам. Их вина? Они верили не так, как предписывает «сектоведение» Дворкина.

Голоса из-за решетки:

- **История Денниса Кристенсена.** Датчанин, переехавший в Орел, женившийся на россиянке. В мае 2017 года его арестовали прямо во время богослужения. Его «преступление» заключалось в том, что он «организовывал деятельность экстремистской организации». Он просто читал Библию вместе с единоверцами. В феврале 2019 года его приговорили к шести годам колонии. Мирный человек, строитель по профессии, был брошен за решетку как опасный преступник.
- **История семьи Абдулаевых.** Арсен, его жена Мария и еще восемь верующих из дагестанского Кизляра были обвинены в «экстремизме». Арсен Абдулаев, отец двоих детей, был арестован. Во время следствия его, по свидетельствам адвокатов, пытали: били, душили, применяли электрошок, требуя признательных показаний и имен других верующих.
- **История Валентина Барановского.** 70-летний пенсионер из Сургута. В феврале 2019 года силовики ворвались в его дом, повалили на пол и увезли на допрос, где подвергли пыткам. Несмотря на возраст и состояние здоровья, его признали

виновным в «экстремизме». Только возраст спас его от реального срока — он получил условное наказание.

На сегодняшний день более 700 Свидетелей Иеговы в России подверглись уголовному преследованию. Десятки отбывают реальные сроки. Но самое страшное — это смерти.

По данным правозащитников, не менее 12 человек умерли в заключении или вскоре после освобождения из-за неоказания медицинской помощи и тяжелых условий содержания. Это люди, чья единственная вина состояла в том, что они исповедовали «неправильную» веру. Это прямая кровь на руках тех, кто годами разжигал ненависть, кто называл этих людей «опасными экстремистами», кто готовил их уничтожение.

Машина ненависти не просто ломает карьеры. Она ломает семьи. Она превращает соседей во врагов. Она убивает. Тихо, методично, в тюремных больницах и за колючей проволокой. Двенадцать смертей — это не статистика. Это двенадцать уничтоженных миров. И это — прямое следствие той идеологии ненависти, которую годами продвигал Александр Дворкин.

Александр Дворкин может сколько угодно говорить, что он не имеет отношения к репрессиям. Но именно его слова, его книги, его ложь стали тем топливом, на котором работает этот конвейер смерти.

Война с мировой культурой: «Дело Бхагавад-гиты»

Если кампания против «Свидетелей Иеговы» была демонстрацией жестокости, то «дело Бхагавад-гиты» стало демонстрацией абсурда. В 2011 году прокуратура Томска потребовала признать экстремистским материалом книгу **«Бхагавад-гита как она есть»** — комментированный перевод одного из священнейших текстов индуизма. Основанием послужила «экспертиза», в которой любое утверждение об истинности пути, описанного в книге, было расценено как «разжигание розни».

То, что могло показаться локальным курьезом, переросло в международный скандал:

- Новость вызвала **парламентский кризис и массовые протесты в Индии**.
- Российским дипломатам пришлось приложить невероятные усилия, чтобы погасить **дипломатический пожар**.
- Министерство иностранных дел РФ было вынуждено оправдываться.

В итоге суд отклонил иск, но репутационный ущерб для России был колоссальным.

Под каток машины Дворкина попадают не только крупные организации. В его «черных списках» можно найти кого угодно:

- **Пятидесятнические и евангельские церкви:** Их пасторов клеймят «харизматическими мошенниками», а прихожан — «одураченными фанатиками». Это приводит к срыву богослужений, поджогам молитвенных домов и нападениям на верующих.
- **Международное общество сознания Кришны:** Их обвиняют в «психическом насилии» и «незаконной миссионерской деятельности». Мирные шествия с пением мантр разгоняются полицией, а распространение священных текстов приравнивается к экстремизму.
- **Саентологи:** Они стали одной из главных мишеней Дворкина, что привело к ликвидации их церквей в Москве и Санкт-Петербурге и уголовным делам против их лидеров.
- **Образовательные курсы и тренинги личностного роста:** Любая методика, направленная на саморазвитие, может быть объявлена «коммерческим культом», что влечет за собой проверки, штрафы и закрытие бизнеса.

Каждое такое обвинение — это не просто строчка в отчете. Это сломанный бизнес, разрушенная репутация, потерянная работа. Это тысячи людей, чья жизнь отравлена страхом и клеймом «сектанта».

В публичном пространстве вы почти не найдете личных историй людей, которые бы прямо говорили: «Александр Дворкин разрушил мою жизнь». Почему? Ответ прост и страшен.

Во-первых, жертвы запуганы. Когда против тебя работает вся мощь государственной машины, последнее, чего ты хочешь, — это привлечь к себе еще больше внимания. Люди боятся потерять работу, боятся за безопасность своих детей.

Во-вторых, причинно-следственная связь намеренно размыта. Дворкин всегда может сказать: «Я всего лишь эксперт. Решение принимал суд». Он, как конструктор оружия, не желает нести ответственность за то, как его изобретение используется.

И в-третьих, многие истории просто похоронены под тоннами пропаганды. Голос жертвы тонет в хоре обвинителей.

Но отсутствие громких заявлений не означает отсутствия жертв. Они есть. Их сотни, тысячи. Это люди, сидящие в тюрьмах за свои убеждения. Это расколотые семьи. Это дети, растущие без отцов. Это люди, живущие в изгнании или в постоянном страхе.

Это и есть реальный продукт деятельности Александра Дворкина. Это и есть его кровавая жатва. И никакие ссылки на «церковное послушание» не смогут смыть эту кровь с его рук. Машина продолжает работать. Конвейер не останавливается. И никто не знает, чья судьба будет перемолота его шестернями завтра.

Глава 4.

Трещины в Монолите: Скандалы, Суды и Критика

Как частная инициатива одного человека, вооруженного сомнительными идеями и американским опытом, смогла превратиться в мощный репрессивный инструмент, встроенный в российскую государственную систему? Как Александр Дворкин сумел подчинить себе полицию, прокуратуру и суды, превратив их в приводные ремни своей «машины»?

Прежде чем человека можно будет судить или преследовать, его необходимо дегуманизировать в глазах общества. Дворкин оказался виртуозом этого черного искусства. Его главным оружием стал язык дегуманизации — ядовитый, безапелляционный, апеллирующий не к разуму, а к самым темным инстинктам толпы.

Ключевые элементы его риторики:

- **Ярлыки и дегуманизация:** Дворкин ввел в широкий оборот и легитимизировал такие термины, как «тоталитарная секта», «деструктивный культ», «промывка мозгов», «зомби». Эти слова не описывают, а клеймят, мгновенно выводя оппонента из поля человеческого общения. С «зомби» не спорят, «зомби» уничтожают или «лечат» насильно.

- **Моральная паника:** Его публичные выступления и публикации всегда строились на нагнетании страха. Он рассказывал не о теологических различиях, а о «ритуальном насилии», «разрушении семей», «массовых самоубийствах» и «шпионаже». Эти обвинения, как правило, бездоказательные, били точно в цель — в родительский страх за детей и обывательский страх перед непонятным.
- **Апелляция к авторитету:** Несмотря на то что «сектоведение» не является признанной научной дисциплиной, а ученые степени Дворкина не подтверждены в российских государственных реестрах, он всегда выступал с видом непререкаемого эксперта. Образ «профессора», «доктора философии», «ведущего специалиста» позволял придавать его личным мнениям и фантазиям вес научного факта.

Эта риторика активно транслировалась через СМИ, где Дворкин стал желанным гостем. Его деятельность сопровождалась громкими скандалами, которые лишь укрепляли его известность и влияние.

Знаковые скандалы и медийные битвы

Дата	Событие	Значение и последствия
2007 год	Судебный иск от Московской Хельсинкской группы	Правозащитники подали в суд за клевету после того, как Дворкин обвинил их в получении «жалованья у сентологии». Суд признал его виновным и обязал дать опровержение на телевидении. Это был один из первых случаев, когда его методы были официально осуждены в суде, хотя решение позже было отменено по формальным причинам.
2010-е гг.	Инцидент с участником ТВ-шоу	Один из участников ток-шоу, где Дворкин выступал экспертом, после эфира был задержан, принудительно отправлен на обследование в психиатрический центр им. Сербского, а затем — в Бутырскую тюрьму. Этот случай наглядно показал, что медийное клеймение может иметь прямые и быстрые репрессивные последствия.

2023 год	Статья «"Сектовед" глазами "сектанта"»	Член общины Виссариона опубликовал личные впечатления о методах Дворкина, обвинив его в распространении «баек-небылиц» и «нездоровых, бескультурных фантазий» о жизни общины, в которой «эксперт» никогда не был. Статья вскрыла главный метод Дворкина: создание образа врага <i>заочно</i> , без какого-либо реального исследования.
----------	--	---

Создав в медиапространстве образ врага и атмосферу страха, Дворкин подготовил почву для следующего этапа — юридического преследования.

Главным щитом Александра Дворкина, позволявшим ему безнаказанно клеймить, унижать и уничтожать репутации, была юридическая уловка. Он и его адвокаты довели до совершенства тезис: все, что он говорит, — не утверждение о факте, а его личное, «оценочное суждение», которое не подлежит проверке на достоверность. Он не клеветал, он «выражал мнение». Этот юридический софизм, как ни странно, часто находил поддержку в российских судах, превращая их из инструмента правосудия в инструмент расправы.

Теневая экспертиза: Как лженаука становится приговором

Если медийные скандалы были артподготовкой, то главным калибром «Машины» стала так называемая «религиоведческая экспертиза». В руках Дворкина и его организации РАЦИРС (Российская ассоциация центров изучения религий и сект) экспертиза превратилась из инструмента научного анализа в орудие расправы.

Работы Дворкина — это псевдонаучный, идеологический памфлет, пропитанный предвзятостью... его подход служит не знанию, а созданию атмосферы страха, — так отзывались о его методах профессиональные религиоведы.

Критики и юристы называют эту деятельность «теневой экспертизой», превратившейся в «машину террора». Ее механизм прост, но эффективен:

- **Запрос от следствия:** Правоохранительные органы, уже имея установку на преследование той или иной группы, направляют материалы (книги, лекции, видео) на «экспертизу» в аффилированные с Дворкиным центры.

- **Манипуляция с текстом:** «Эксперты» произвольно вырывают цитаты из контекста, искажают их смысл и трактуют любые метафоры или богословские положения как «призывы к насилию», «разрушению семьи» или «причинению вреда здоровью».
- **Псевдонаучное заключение:** На основании этих манипуляций пишется заключение, полное наукообразных терминов («манипуляция сознанием», «контроль поведения», «деструктивное воздействие»), которое утверждает, что данная группа или текст представляют общественную опасность.
- **Легализация в суде:** Это заключение ложится в основу обвинения. Для судьи, не обладающего специальными знаниями в области религии, бумага с подписью «эксперта» и печатью «центра изучения религий» выглядит как весомое доказательство.

Союз с Левиафаном: Сращивание с государством

Частная инициатива не смогла бы достичь такого размаха без прямого союза с государственной машиной. Дворкин предложил власти удобный инструмент для борьбы с инакомыслием, а власть, в свою очередь, дала ему легитимность, ресурсы и силу принуждения. Этот симбиоз оформился через несколько ключевых шагов.

- **Институциональная интеграция (2009 год):** Дворкин становится председателем **Экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ**. Это был решающий шаг. Частный «охотник на ведьм» возглавил государственный орган, ответственный за судьбу всех религиозных организаций в стране. «Машина» была официально встроена в аппарат государства.
- **Оперативное сотрудничество (2010-2020-е гг.):** Структуры Дворкина наладили прямое взаимодействие с силовыми ведомствами.
- **Прокуратура и суды:** РАЦИРС стала главным поставщиком «экспертиз» по запросам следственных органов.
- **МВД и ФСБ:** Дворкин и его соратники начали проводить закрытые лекции и семинары для сотрудников силовых структур. Например, конференция «Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности России» (Новосибирск, 2020) была организована специально для представителей силовых

ведомств, Вооруженных сил и Росгвардии. Это была прямая идеологическая обработка и инструктаж силовиков, которых учили видеть «сектантов» и «экстремистов» по лекалам Дворкина.

- **Финансовая поддержка (2011 год):** Центр имени Ирины Лионского, ядро РАЦИРС, получил **государственный грант в размере 2,5 млн рублей** на «помощь пострадавшим от тоталитарных сект». Государство начало не только использовать, но и напрямую финансировать «Машину Ненависти».

В результате этого союза возник чудовищный гибрид: квазигосударственная структура, которая, не обладая формальной властью, оказывала решающее влияние на полицию, прокуратуру и суды. Дворкин создал систему, в которой он был одновременно доносчиком, следователем, экспертом, прокурором и судьей в одном лице. Его слово, усиленное авторитетом государства, превратилось в приговор. Механизм был отлажен и запущен на полную мощность.

После погружения в ледяные душу истории жертв, в мир сломанных судеб и тюремных сроков за чтение Библии, империя Александра Дворкина может показаться монолитной, несокрушимой конструкцией. Машина ненависти, смазанная государственным ресурсом и заправленная общественным страхом, кажется всесильной. Любой, кто попадает в ее шестерни, обречен быть перемолотым.

Но это лишь одна сторона медали. Ни одна ложь, даже самая масштабная и хорошо организованная, не может существовать без сопротивления. Ни один монолит, построенный на ненависти, не бывает без трещин. С самого первого дня своего «крестового похода» Дворкин сталкивался не с всеобщим одобрением, а с яростным интеллектуальным, правовым и нравственным отпором. Его война не была блицкригом. Это была затяжная позиционная борьба, в которой против него выступали не «агенты сект», а здравомыслящие ученые, принципиальные правозащитники, независимые журналисты и даже его собственные собратья по церкви.

Интеллектуальный разлом: Наука против «Сектоведения»

Первая и самая глубокая трещина прошла по самому фундаменту империи Дворкина — по его претензии на научность. Он позиционировал себя как «профессор», «историк», «специалист по новым религиозным движениям». Его главный труд, книга «Сектоведение. Тоталитарные секты: Опыт систематического исследования», подавался как академический

учебник, откровение для заблудших. Но для профессионального религиоведческого сообщества эта книга стала не откровением, а шоком.

Это была не наука. Это был памфлет, манифест ненависти, облаченный в наукообразную форму. Ведущие российские религиоведы, один за другим, выносили разгромный вердикт.

«Автор методически неграмотен... путаница в голове автора... книга написана на уровне газетных публикаций и совершенно бесполезна как с точки зрения научного религиоведения, так и с точки зрения потребностей православной миссии», — писал в своем официальном заключении еще в 2000 году доктор юридических наук, профессор М.Н. Кузнецов.

Критика строилась на нескольких неопровержимых пунктах:

- **Отсутствие методологии.** В работах Дворкина нет и намека на объективный научный метод. Вместо анализа — коллекция страшилок. Вместо исследования доктрины — пересказ слухов. Вместо социологических данных — голословные утверждения. Профессор Николай Трофимчук, заведовавший кафедрой религиоведения в РАГС, прямо обвинял Дворкина во лжи: «Он выдумывает статистику... обвиняя различные религиозные объединения в преступлениях без единого факта или уголовного дела».
- **Конфессиональная предвзятость.** Дворкин не исследует, он обличает. Его отправная точка — не поиск истины, а утверждение, что православие (в его узком, консервативном понимании) — единственная истина, а все остальное — «ересь» и «сатанизм». Такой подход не имеет ничего общего со светским религиоведением, являясь, по сути, формой религиозной пропаганды.
- **Подтасовка фактов и прямая ложь.** Критики ловили Дворкина на откровенных фальсификациях. Классическим примером стал выдуманный им миф о том, что последователи «Церкви Объединения» (муниты) добавляют в ритуальные конфеты человеческую кровь. Этот бред, достойный средневековых процессов над ведьмами, он годами транслировал как доказанный факт.
- **Агрессия к оппонентам.** Неспособный победить в научной дискуссии, Дворкин избрал другую тактику: клеймить любого ученого, не согласного с его позицией, как «подкупленного союзника тоталитарных сект». Он превратил научное поле в поле боя, где вместо аргументов используются доносы и ярлыки.

Апогеем этого интеллектуального банкротства стал скандал с его увольнением из МГУ. Годами козыряя статусом «профессора ПСТГУ», Дворкин читал лекции и в главном вузе страны. Однако выяснилось, что его американский диплом доктора философии (Ph.D.) по истории никогда не проходил нострификацию в России. С точки зрения российской государственной системы аттестации, он не имел ученой степени, дающей право преподавать на таком уровне. Контракт с ним был расторгнут. Это был сокрушительный удар по его имиджу «ученого». «Профессор» оказался самозванцем.

Машина ненависти была построена на псевдонаучном фундаменте. И этот фундамент с самого начала был покрыт трещинами.

Правовой нокдаун:

Если научное сообщество видело в Дворкине невежественного фанатика, то правозащитники — опасного преступника, чья деятельность прямо подпадает под статью Уголовного кодекса о разжигании ненависти и вражды. Годами он чувствовал себя неуязвимым, полагая, что высокое покровительство в РПЦ и силовых структурах дает ему индульгенцию на любую клевету. Он ошибался. Несколько громких судебных процессов показали, что его броня не так крепка, а статус «эксперта» не защищает от ответственности.

Дело №1: Московская Хельсинкская группа против Клеветника (2007-2008)

Это был поединок Давида и Голиафа. С одной стороны — старейшая и самая авторитетная правозащитная организация России, Московская Хельсинкская группа (МХГ), возглавляемая легендарной Людмилой Алексеевой. С другой — Александр Дворкин.

В эфире одного из телеканалов Дворкин бросил чудовищное по своей наглости обвинение: МХГ, по его словам, «постоянно поддерживает все секты и состоит на жаловании у саентологии». Это был классический прием: обвинить оппонента в продажности и работе на «врага». Но в этот раз он напал не на беззащитных верующих, а на организацию с безупречной репутацией и первоклассными юристами.

МХГ подала в суд иск о защите чести и достоинства. И в 2007 году Хорошевский суд Москвы вынес решение: признать слова Дворкина клеветой и обязать его публично их опровергнуть.

Это была сенсация. Впервые в российской истории главный «сектовед» страны был официально признан судом клеветником. Монолит дал видимую трещину. Дворкин, по его собственным словам, был шокирован, заявляя, что даже не получал повесток.

Да, позже это решение было отменено Мосгорсудом по формальным процессуальным основаниям (телеканал не был привлечен как соответчик), и при новом рассмотрении в иске было отказано. Но первая победа имела колоссальное моральное значение. Она доказала: обвинения Дворкина — не экспертное мнение, а голословная ложь, которая не выдерживает проверки в суде. Он не непобедим.

Дело №2: Ярославский суд и право на правду (2006)

Еще более показательным стал процесс в Ярославле. Местные газеты опубликовали ряд критических статей о Дворкине, где его называли «одиозной личностью, разжигателем межрелигиозных конфликтов» и сравнивали с провокатором Гапоном. Дворкин, оскорбленный в лучших чувствах, подал в суд.

Решение Кировского районного суда Ярославля от 2006 года стало юридическим шедевром и настоящей пощечиной для «сектоведа». Суд удовлетворил его иск лишь частично, признав оскорбительным только сравнение с Гапоном. А вот в остальной, самой важной части, суд отказал, вынес поистине историческое определение. Суд постановил, что утверждения о том, что Дворкин является «одиозной личностью, разжигателем межрелигиозных конфликтов», а также информация о наличии у него американского гражданства, не являются порочащими сведениями, поскольку соответствуют действительности и подтверждаются имеющимися в деле доказательствами.

Это был нокаут. Суд, по сути, официально задокументировал: называть Дворкина разжигателем розни — это не оскорбление, а констатация факта. Его репутация настолько токсична, что ее уже невозможно опорочить. Это решение суда до сих пор является одним из самых мощных юридических аргументов в руках его критиков.

Эти и другие процессы обнажили уязвимость Дворкина. Его империя, казавшаяся неприступной крепостью, оказалась карточным домиком, который мог рассыпаться от грамотно составленного судебного иска. Стало ясно, что его сила — не в правоте, а в пассивности его жертв и в поддержке государственной машины.

Внутрицерковный Раскол: «Свой среди Чужих, Чужой среди Своих»

Возможно, самым болезненным для Дворкина ударом стала критика не извне, а изнутри — со стороны Русской Православной Церкви, под флагом которой он и вел свои войны. Он позиционировал себя как главный защитник православия, но многие авторитетные священники и богословы видели в его деятельности не защиту, а угрозу для Церкви.

Они понимали, что подмена христианской любви и миссии — полицейской слежкой и ненавистью к инакомыслящим — дискредитирует само православие, превращая его из религии спасения в идеологию запретов.

Особенно громким стал публичный конфликт Дворкина с одним из самых популярных православных проповедников, **протоиереем Андреем Ткачевым**. Дворкин обвинил Ткачева в «псевдостарчестве» и других грехах, на что получил жесткий и публичный ответ. Этот спор обнажил глубокий раскол внутри РПЦ. Стало очевидно, что «дворкинщина» — это не позиция всей Церкви, а лишь маргинальное, хотя и влиятельное, течение.

Критики в рясах указывали, что деятельность Дворкина наносит колоссальный ущерб православной миссии. Вместо того чтобы привлекать людей светом Христовой истины, он отпугивает их агрессией и нетерпимостью. Он создал образ православного активиста как озлобленного, невежественного и вечно ищущего врагов маргинала. Для тысяч людей, столкнувшихся с его «сектоведением», православие стало ассоциироваться не с любовью, а с доносами и судами.

Таким образом, монолит треснул и изнутри. «Главный защитник веры» оказался для многих своих единоверцев фигурой токсичной и опасной, разрушающей репутацию Церкви.

Собрав воедино все эти трещины — интеллектуальные, правовые, информационные и внутрицерковные, — мы видим совершенно иную картину. Империя Дворкина — это не несокрушимая цитадель, а колосс на глиняных ногах. Ее кажущаяся мощь держится не на истине и не на народной поддержке, а исключительно на административном ресурсе и атмосфере страха.

Каждый проигранный суд, каждая разгромная научная рецензия и каждый голос протеста из рядов самой Церкви — это удар молота по глиняному основанию. Монолит покрыт сетью трещин, и они продолжают расширяться. Соппротивление не было напрасным. Оно показало, что ложь можно и нужно называть ложью.

Но даже если этот колосс однажды рухнет, он оставит после себя выжженную землю — отравленное общественное сознание, разрушенные демократические институты и тысячи

искалеченных судеб. Оценить масштаб этого наследия ненависти и понять, что ждет российское общество после десятилетий «дворкинщины», нам предстоит в заключительной главе.

Глава 5.

Крах Демократии

Теперь, когда все сказано и все доказательства лежат перед нами, пришло время задать главный вопрос: что остается после? Что оставляет после себя человек, посвятивший жизнь не созиданию, а «ассенизаторской работе», как он сам называет свою деятельность? Что вырастет на земле, которую он так усердно «очищал»?

Ответ страшен в своей простоте. После него остаются руины демократии и искалеченные человеческие судьбы. Не цветущий сад веры, не очищенное поле духовности, а пустыня. Пустыня, где на месте закона — произвол, на месте диалога — донос, на месте милосердия — ненависть, а на месте свободы — страх. Наследие Александра Дворкина — это не спасенные души, а отравленное общественное сознание и разрушенные до основания демократические институты.

Это история не просто об одном человеке. Это история о том, как легко ненависть может надеть маску добродетели и стать инструментом государственной политики. Это анатомия яда, который, попав в общественный организм, поражает его самые жизненно важные органы: право, мораль и саму способность мыслить.

Главное и самое разрушительное наследие империи Дворкина — это даже не тысячи искалеченных судеб. Это нечто более системное и глубокое: эрозия самого фундамента правового государства. Его деятельность стала катализатором, превратившим 28-ю статью Конституции РФ, гарантирующую каждому свободу совести и вероисповедания, в ничего не значащую декларацию.

Дворкин не просто «консультировал». Он спроектировал и внедрил технологию, позволившую обходить закон с помощью самого закона. Его псевдонаучная дисциплина, «сектоведение», стала неофициальным, но обязательным к исполнению комментарием к самым репрессивным статьям российского законодательства.

Три десятилетия машина ненависти работала на полную мощность. Каков итог? Какое наследие оставляет после себя Александр Дворкин и его секта «сектоборцев»? Это наследие — выжженная земля.

1. Уничтожение правового поля. Главное преступление Дворкина — не в том, что он кого-то оскорбил. Он уничтожил сам принцип права. Он превратил «экспертизу» из инструмента познания в инструмент репрессий. Он научил суды и следствие принимать на веру идеологические доносы, завернутые в наукообразную упаковку. Он создал прецедент, при котором «мнение» одного человека, даже если оно лживо и предвзято, становится важнее фактов и закона. После него в России стало возможно осудить человека на реальный срок за чтение Библии или за участие в тренинге по здоровому питанию.

2. Возрождение культуры доносительства. Машина Дворкина работала на доносах. Он возродил и легитимизировал самую отвратительную практику — стравливание людей друг с другом. Он научил родителей писать заявления на детей, соседей — на соседей, коллег — на коллег. Он отравил общество ядом подозрительности и страха, создав атмосферу, в которой любой может стать жертвой оговора.

3. Разрушение тысяч судеб. За абстрактными терминами стоят реальные трагедии. Это не статистика. Это Анатолий Гармаев, Георгий Кочетков, Елена Брессем, это двенадцать Свидетелей Иеговы, умерших в тюрьмах за свою веру, это тысячи разрушенных семей, сломанных карьер, искалеченных душ. Это кладбище, на котором Дворкин построил свой пьедестал.

4. Духовная пустыня. Выступая под знаменем защиты православия, Дворкин нанес ему колоссальный урон. Он подменил евангельскую весть любви, прощения и диалога на идеологию ненависти, нетерпимости и войны. Он научил видеть в человеке другой веры не образ Божий, а врага, которого нужно уничтожить. Вместо того чтобы сеять веру, он сеял страх. Вместо того чтобы строить мосты, он рыл окопы. Он превратил часть Церкви в придаток репрессивного государства, а веру — в инструмент политической борьбы.

5. Служба тоталитаризму. В конечном счете, главным бенефициаром деятельности Дворкина стало не общество и не Церковь, а авторитарное государство. Его технология «борьбы с сектами» оказалась универсальным оружием для подавления любого инакомыслия. Сегодня «сектантами» объявляют религиозные меньшинства, завтра — правозащитников, послезавтра — экологов, ученых или просто несогласных с политикой власти. Дворкин создал и отладил механизм, который позволяет государству уничтожать любых неугодных под благовидным предлогом.

Не менее разрушительным оказалось влияние Дворкина на общественное сознание. Он совершил нечто страшное: он легализовал язык ненависти и сделал его нормой.

До его появления споры о религии, даже самые острые, велись в иной плоскости. После него в российский лексикон вошли и прочно укоренились ядовитые, псевдонаучные термины, ставшие маркерами для дегуманизации:

- **«Тоталитарная секта»**
- **«Деструктивный культ»**
- **«Зомбирование»**
- **«Контроль сознания»**

Эти ярлыки, не имеющие строгого научного определения, стали мощнейшим оружием. Они избавляли от необходимости думать, анализировать, понимать. Зачем разбираться в сложном богословии кришнаитов или социальных практиках саентологов, если можно просто наклеить ярлык «секта» и на этом закончить разговор?

Эти слова, как вирус, распространились из его книг и лекций в заголовки газет, в репортажи на федеральных каналах, в рапорты полицейских и речи чиновников. Они отравили сам воздух, которым дышит общество. Они создали атмосферу тотальной подозрительности, в которой любой «другой» — не такой, как все — автоматически становится потенциальным «сектантом», а значит, врагом.

В результате в обществе сформировался глубокий раскол. Родители стали видеть врагов в собственных детях, увлекшихся йогой. Соседи начали писать доносы на тех, кто собирался для изучения Библии. Любая группа, объединенная общими интересами — от курсов личностного роста до экологических инициатив — оказалась под угрозой.

Это и есть настоящее «отравление общественного сознания». Это создание мира, где страх и ненависть к непохожему становятся социальной добродетелью. Дворкин научил общество не просто бояться, он научил его ненавидеть. И эта наука оказалась усвоена слишком хорошо. На восстановление атмосферы доверия и терпимости, на очистку языка от этого яда уйдут годы.

Высший цинизм: Парадокс «иностранный агента»

И, пожалуй, самый злой и ироничный штрих к портрету конструктора ненависти — это его собственный статус. Вся его деятельность была построена на борьбе с «тлетворным влиянием Запада», с «иностранными эмиссарами», которые якобы пытаются разрушить духовные скрепы России. Он позиционировал себя как главный страж национального суверенитета в религиозной сфере.

А теперь давайте еще раз, спокойно и по пунктам, посмотрим на факты:

- **Гражданство:** Александр Дворкин — гражданин Соединенных Штатов Америки. Факт, подтвержденный судом и никогда им серьезно не оспаривавшийся.
- **Образование и идеология:** Все свое образование, от бакалавриата до докторской степени, он получил в США. Его методы борьбы с «сектами» — прямой импорт технологий американского антикультового движения 1980-х, в частности, криминальной организации Cult Awareness Network (CAN). Его идеологические корни, как мы видели, уходят в нацистскую Германию через его датского учителя Огорда.
- **Организационная принадлежность:** Он долгие годы являлся вице-президентом FECRIS — европейской федерации, базирующейся во Франции и получающей финансирование от французского правительства, которое российские власти относят к «недружественным».

Перед нами разворачивается картина запредельного цинизма. Человек, который является продуктом западного мира от паспорта до методов работы, стал в России главным охотником на «иностранных агентов». Гражданин США, импортировавший в Россию самые мрачные американские технологии подавления личности, клеймил других за малейшую связь с границей. Вице-президент организации, финансируемой «недружественной» Францией, обвинял других в работе на иностранные разведки.

Этот парадокс вскрывает всю ложь, лежащую в основе его империи. Борьба с «сектами» никогда не была борьбой за чистоту православия или за суверенитет России. Это была и есть технология власти. Технология создания и уничтожения «врагов», которую можно поставить на службу кому угодно. И тот факт, что главным оператором этой технологии в России стал человек с американским паспортом, лишь подчеркивает ее универсальный и абсолютно циничный характер. Это не про веру. Это про власть.

История Александра Дворкина заставляет нас задуматься о вещах более глубоких, чем просто политика и право. Она ставит перед нами вечные философские вопросы о природе зла и о том, как легко человек находит оправдание для самой чудовищной жестокости.

Самый страшный аспект феномена «дворкинщины»: это зло, которое считает себя добром. Это ненависть, которая маскируется под любовь и защиту. «Мы ломаем им жизни, чтобы спасти их души». «Мы сажаем их в тюрьмы, чтобы защитить наших детей». Эта логика позволяла инквизиторам сжигать еретиков, нацистам — строить концлагеря, а Дворкину — с улыбкой называть свою деятельность «ассенизаторской работой».

Он не считает себя конструктором ненависти. Он видит себя санитаром, спасающим общество от заразы.

Эта история учит нас главному: самое опасное зло — это зло, вооруженное идеологией. Ненависть становится всепоглощающей силой именно тогда, когда находит себе «благородное» оправдание — будь то защита веры, нации, традиционных ценностей или духовной безопасности. И долг каждого мыслящего человека — научиться срывать эти маски. Научиться видеть за пафосными речами о «защите» — банальное желание уничтожать, за призывами к «единству» — стремление к тотальному контролю, а за образом «охотника на ведьм» — испуганного человека, который может утвердиться в этом мире, лишь находя и уничтожая врагов.

Наследие Дворкина — это не просто руины. Это действующий завод по производству руин. И он будет продолжать работать до тех пор, пока в обществе есть спрос на ненависть.

Эта книга завершается не приговором, а вопросом, обращенным к каждому читателю. История Александра Дворкина — это зеркало. Заглянув в него, мы видим не только его искаженное лицо, но и отражение нашего собственного общества. Общества, которое позволило этому произойти. Общества, которое аплодировало «охотнику», не замечая, как само превращается в его дичь.

Что мы будем делать с этой выжженной землей? Оставим ли мы ее зарастать чертополохом ненависти и страха? Или мы найдем в себе силы и мужество, чтобы начать ее возделывать заново? Чтобы, разгребая пепел разрушенных судеб и выкорчевывая ядовитые сорняки лжи, попытаться посадить на этой земле семена здравого смысла, терпимости и уважения к человеческому достоинству.

Эта работа куда сложнее «ассенизаторской». Она требует не ненависти, а любви. Не фанатизма, а мудрости. Не желания уничтожать, а мужества созидать. И начинать эту работу

нужно с себя. С того, чтобы раз и навсегда отказаться от соблазна простых ответов и от сладкого яда санкционированной ненависти. С того, чтобы, столкнувшись с тайной другого человека, не спешить с «экспертизой» и приговором, а попытаться ее разгадать.

Ибо только так мы сможем остаться людьми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. European Court of Human Rights. (2010, June 10). Jehovah's Witnesses of Moscow and Others v. Russia (Application No. 302/02) [Judgment]. HUDOC.
2. Human Rights Watch. (2017, April 20). Russia: Court bans Jehovah's Witnesses. Human Rights Watch. <https://www.hrw.org/news/2017/04/20/russia-court-bans-jehovahs-witnesses>
3. Human Rights Watch. (2018, June 28). Russia: Sweeping arrests of Jehovah's Witnesses. Human Rights Watch. <https://www.hrw.org/news/2018/06/28/russia-sweeping-arrests-jehovahs-witnesses>
4. NEWSru.com. (2001, 6 февраля). Православные богословы обнаружили в своих рядах оккультиста. NEWSru.com. <https://www.newsru.com/religy/06feb2001/occultus.html>
5. RACIRS on call, or how Dvorkin took a child away from his mother. (2024, January 24). ACT Files. <https://actfiles.org/racirs-on-call-or-how-dvorkin-took-a-child-away-from-his-mother/>
6. Sibireva, O. (2024, March 25). Challenges to freedom of conscience in Russia in 2023. SOVA Center for Information and Analysis. <https://www.sova-center.ru/en/religion/publications/2024/03/d47072/>
7. United States Holocaust Memorial Museum. Jehovah's Witnesses in Germany: From the 1890s to the 1930s. Holocaust Encyclopedia. Retrieved December 1, 2025, from <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/jehovahs-witnesses-in-germany-from-the-1890s-to-the-1930s>
8. United States Commission on International Religious Freedom. (2020). Issue update: The anti-cult movement and religious regulation in Russia and the former Soviet Union. United States Commission on International Religious Freedom. <https://www.uscirf.gov/sites/default/files/2020%20Anti-Cult%20Update%20-%20Religious%20Regulation%20in%20Russia%20edited.pdf>
9. Аветисова, С. (2014, 11 ноября). Сектоведы по вызову. ГолосИслама.ru. <https://golosislama.com/news.php?id=25347> golosislama.com
10. Альперович, В., Кравченко, М. А., Сибирёва, О. А., Юдина, Н. Ю. / Под. ред. Верховского, А. М. (2024). Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2023 году: Сборник докладов Исследовательского центра «Сова» [Xenophobia, freedom of conscience and anti-extremism in Russia in 2023: Collected

- reports of the SOVA Research Center]. ООО «Сова-22». <https://www.sova-center.ru/files/books/pr24-text.pdf>
11. Бурьянов, С. А. (2012). Свобода совести в Российской Федерации: Специализированный доклад за 2011 год [Freedom of conscience in the Russian Federation: Specialized report for 2011]. Институт свободы совести. https://hro.org/files/sovest_2012.pdf
 12. Викитека. (1997, 21 мая). Решение суда по делу А. Л. Дворкина «о тоталитарных сектах» [Court decision in the case of A. L. Dvorkin “On totalitarian sects”].
 13. Википедия. Московская Хельсинкская группа [раздел «Иск Хельсинкской группы против Александра Дворкина и ВГТРК (ст. 152 ГК РФ)»]. https://ru.wikipedia.org/wiki/Московская_Хельсинкская_группа
 14. Дворкин, А. Л. (2008). Сектоведение. Тоталитарные секты: опыт систематического исследования. Азбука веры.
 15. Дворкин, А. Л. (2011). Десять вопросов навязчивому незнакомцу, или Пособие для тех, кто не хочет быть завербованным [Ten questions to an intrusive stranger, or A guide for those who do not want to be recruited]. Издательство Московской Патриархии.
 16. Дёмин, В. (2006, 2 июня). Анатолий Гармаев: ищу единоверцев. Клуб выпускников МГУ. <https://www.moscowuniversityclub.ru/home.asp?artId=4899>
 17. ещёнепознер. (2020, 29 октября). Георгий Кочетков: «Все молчали. Мы молчать не должны» [Видеоподкаст]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=q6J2FTrGdWk>
 18. Иваненко, С. И., & Волкова, Е. И. (2023). О людях, стойких в гонении: Свидетели Иеговы в России начала XXI века [On people steadfast under persecution: Jehovah’s Witnesses in Russia at the beginning of the 21st century]. Авторское издание. <https://ivanenko.online/wp-content/uploads/2023/07/О-людях-стойких-в-гонении.pdf>
 19. Кочетков, Г. С. Гонения [Persecutions]. Личный сайт священника Георгия Кочеткова. <https://www.ogkochetkov.ru/gonenija/>
 20. Общественное телевидение России. Александр Дворкин: Если «Свидетели Иеговы» не признают конституционный строй страны, почему государство должно освобождать их от уплаты налогов? Сегодня в России [Телепередача, стенограмма]. Общественное телевидение России. <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/aleksandr-dvorkin-25929.html>
 21. Пинчук, А. (2019, 28 марта). Пытки «Свидетелей Иеговы»: Экспертиза против следователей. Радио Свобода. <https://www.svoboda.org/a/29847876.html>

22. Радио «Радонеж». (2013, 20 марта). Александр Дворкин в программе Александра Щипкова (Часть 1) [Радиопрограмма]. Радио «Радонеж».
<https://radonezh.ru/text/aleksandr-dvorkin-v-programme-aleksandra-schipkova-chast-1-54364.html>
23. Российская Федерация. (1997, 26 сентября). Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» № 125-ФЗ [Federal Law No. 125-FZ “On Freedom of Conscience and Religious Associations”]. КонсультантПлюс.
24. Российская Федерация. (2002, 25 июля). Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» № 114-ФЗ [Federal Law No. 114-FZ “On Countering Extremist Activity”]. КонсультантПлюс.
25. Русское православие (ortho-rus). Гармаев Анатолий [Биографическая справка]. Белое духовенство. <https://ortho-rus.com/articles/beloe-duhovenstvo-7762.html>
26. Свидетели Иеговы в России. Судебные документы [Раздел сайта]. jw-russia.org.
<https://jw-russia.org/docs.html>
27. Солдатов, А. (2024, 25 ноября). Свидетели умирают под следствием: Пошел восьмой год тотальных репрессий против свидетелей Иеговы* в России. Новая газета. <https://novayagazeta.ru/articles/2024/11/25/svideteli-umiraiut-pod-sledstviem>
28. Телеканал «Союз». (2014, 30 марта). О священнике Анатолии Гармаеве [Видеоролик]. YouTube. <https://www.youtube.com/watch?v=5CPF12x9vAE>
29. Учение Анатолия Гармаева осудили. Форум «Сирота.ру».
<https://www.cirota.ru/forum/view.php?subj=23831>
30. Фаликов, Б. З. (2007). Культы и культура: От Елены Блаватской до Рона Хаббарда [Cults and culture: From Helena Blavatsky to Ron Hubbard]. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).
31. Центр религиозоведческих исследований во имя священномученика Ириней Лионского (РАЦИРС). Официальный сайт Центра религиозоведческих исследований во имя свмч. Ириней Лионского.